

18+

Сергей Рыжков

ИЗВОЗЧИК ДУШ
ВЫЗОВ

Сергей Рыжков

Извозчик душ: Вызов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70541725

ISBN 9785006273115

Аннотация

Баланс в Мире Мертвых незыблем: те, кого Суд признал добряком – отправляются в ангелы, кого злодеем – в легионы демонов, а кто не годится быть ни тем, ни другим – в Слуги Смерти. Но устоявшаяся тысячелетиями система мироздания рушится, когда в мире появляется четвертая, неизвестная сила. Которая не желает признавать Порядок. У которой есть все шансы его свергнуть. Решающую роль в этом противостоянии сыграет простой Извозчик душ, Артур.

Содержание

Сергей Рыжков	5
ИЗВОЗЧИК ДУШ: ВЫЗОВ	6
Часть 1	7
До прихода Десятника	7
ПРОЛОГ	8
ГЛАВА 1	10
ГЛАВА 2	21
ГЛАВА 3	35
ГЛАВА 4	44
ГЛАВА 5	59
ГЛАВА 6	83
ГЛАВА 7	90
ГЛАВА 8	109
ГЛАВА 9	117
ГЛАВА 10	125
ГЛАВА 11	130
ГЛАВА 12	143
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Извозчик душ: Вызов

Сергей Рыжков

© Сергей Рыжков, 2024

ISBN 978-5-0062-7311-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сергей Рыжков

ИЗВОЗЧИК ДУШ: ВЫЗОВ

Часть 1

До прихода Десятника

ПРОЛОГ

Дьявол выглядит сексуально, как эти самые голливудские парни, чья внешность брутальная, и в то же время имеет тень женственности. Как и подобает Сатане: существу, что сочетает в себе женское и мужское начало с упором на последнее.

– Я редко переспрашиваю, но ты окончательно уверена? – коварно улыбаясь, спрашивает Люцифер, присаживаясь в кресло. Являет белоснежную улыбку из идеально ровных зубов, какую мы можем увидеть только на страницах глянцевого журнала. От его одежды, похожей на форму СС, пахнет костром.

Мужчина появился здесь сразу после того, как она провела ритуал сделки с дьяволом.

– Да... – с трудом выдавливает девушка, опустив глаза в пол, окрашенный кровью убитых животных. Их внутренности от стены до шкафа образуют кровавый след в виде пятиконечной звезды. В углу каждого луча подрагивает пламя свечи.

– Ну, хорошо. – он встает, подходит к ней вплотную и обнимает за талию. Она вдыхает едкий запах костра. – Но, только не думай, что вечные муки будут ждать тебя сразу же. У тебя ещё будет время подготовиться к ним. Даже после того, как ты умрёшь...

– Страшный Суд? – с опаской поинтересовалась она.

Сердце девчушки бешено колотилось: не каждый день тебя обнимает сам дьявол.

– И он в том числе. – подтверждает тот. – Только, тебя не смущает, что сделки со мной заключаются повсеместно, но твоя – единственная, на которую я пришёл лично?

– Почему...

– Потому что твоя сделка знаменательная. – он заглянул к ней в глаза жидкими неживыми изумрудами своих глаз. – Ты ещё даже не представляешь, что из-за тебя начнётся...

ГЛАВА 1

Тремя месяцами ранее...

Я завожу мотор, пока и без того серые краски сгущаются в сплошной депрессивный видеоряд. Теряется всякое желание говорить и действовать, но пассажиров уже посадили в мою машину.

Заказ принят, пора ехать. Бортовой компьютер на дисплее выдаёт характеристики пассажиров и конечный пункт, куда их нужно привести: «Рай».

Я еду в мифическое для многих людей место, а детали поездки мне сообщает гаджет, встроенный в автомобиль. Так выглядит единство технологии и магии: машина, напичканная магическими артефактами и сделанная далеко не на заводе, оснащена компьютером и всякими умными штуками.

Взаимовыручка.

В некотором смысле и наши компьютеры, способные связывать общими интересами, беседой и работой миллиарды человек по всему миру, тоже напоминают чудо. Такое же, как магия.

Мой новый мир – новый мир для каждого, кто умрет, – построен на таких контрастах. Напичканный магией и заселённый бесчисленной ордой чудовищ; в нём имеют место быть огнестрельное оружие и военная техника, так же как зако-

ванный в доспехи дракон и маг с посохом, оседлавший его.

Потому что там, где есть магия, неважно – усилить ли броню чудовища заклинанием или наколдовать целый танк. Потому что в мире, куда пришла технология, не столь важно, как хорошо ты меташь файерболы, когда в руках гранатомёт.

Всё переплелось.

Мир Мёртвых влияет на Мир Живых. Иначе откуда бы мы взяли все наши примитивные представления о потустороннем мире, духах и мифических существах?

Но также и Мир Живых влияет на мир, куда уходят все души умерших, изменяя его, превращая в причудливое сочетание сказки и верхушки технологического прогресса.

Это удивляет только когда умираешь и попадаешь сюда. Человек ко всему быстро привыкает.

Я принимаю таблетку – депрессивное состояние ослабевает, – и трогаюсь с места. Вокруг меня мрачный современный город небоскрёбов, но с готическими статуями и оформлением. Ещё один контраст прогресса и дани уважения колдовской эпохе, в которой застыла большая часть остального мира.

Это взаимное влияние превратило Мир в подобие мегаполиса планетарного масштаба, где возможно встретить всё, что угодно, и всё это будет либо гармонично вписываться и дополнять друг друга, либо создавать дикие противоречия.

Выезжаю из Города, набирая скорость.

Я не знаю, с какого момента стоит начать свою историю. Можно было начать с того, как я перестал быть живым, или с того, как я только-только начал перевозить души.

Но я решил начать с того момента, когда ужасные очертания моего прошлого стали проглядывать из глубины и достигать меня, а настоящее принялось стремительно меняться, переворачивая миллионы судеб...

Всего лишь пятьсот километров час. Всего лишь скорость небольшого реактивного самолёта. Спешить по Основной трассе смысла не было. Во-первых, Основные, как правило, забиты Извозчиками, как я, поэтому приходится соблюдать условный скоростной режим, а, во-вторых, груз, который мы везём в Рай, нужно доставлять осторожно – из соображений комфорта. Пассажир не должен, выйдя из салона, спрашивать у Бога в Раю, за что его подвергли таким мукам по дороге.

Трасса под колёсами накалялась: доисторический пейзаж за окном машины проносился стремительно, и все же пассажиры успевали его рассматривать.

И, конечно, задавать однотипные вопросы.

– Да, это динозавр... Да, их души некуда было поместить, поэтому они торчат здесь... Да, есть ещё существа... Да, эльфы существуют... И единороги... Розовых слоников нет. Да, за пределами Ада и Рая опасно, и вам тут нечего делать. – машинально отвечал я, не отвлекаясь от дороги.

Испытывал бы я эмоции – наверное, уже бы слал их на фаллические венцы пути человечества. Конечно, ясно, что умершему человеку, попавшему в Мир Мёртвых, всё непонятно и интересно, но каждому новому лицу объяснять одно и то же просто утомляет.

Впрочем, я не чувствовал себя от этого раздражённым. Сейчас мне было плевать. Фиолетовая таблетка умиротворения действовала идеально, и я просто залипал на снежные вершины золотистых гор впереди.

Слева и справа от широкого дорожного полотна, защищённого хреновой тучей заклинаний, раскинулась степь. Её высокую траву утрамбовывали массивные колонны ходячих крепостей: диплодоков и брахиозавров. Здесь древнейшие ящеры жили и здравствовали. Гибкие башенки их шей грозили упереться в небо, а маленькие кабины голов неторопливо срывали листву с самых высоких деревьев. Красавцы. Один гигант даже подошёл к дороге и с интересом склонил массивную голову над моей машиной, словно пытаюсь разглядеть, что за козявки тут ежедневно проносятся по полоске, которую отчего-то не получается перейти.

А у меня, тем временем, «сели батарейки» – так это называют Слуги Смерти. На душе становится тяжело, мучительное сдавливающее чувство депрессии внутри стремительно нарастает: яркий и прекрасный мир в прямом смысле начинает блекнуть, обретая серые тона. Действие «эмоций» заканчивается.

Благо, трасса была прямой. Отвлекаюсь от вождения, нахожу в кармане пиджака беленькую потёртую коробочку с таблетками, высыпаю на руку рыжую и быстро проглатываю. На бледном лице в зеркале проступает тень улыбки, в глазах загораются огоньки, тёплая энергия разливается по телу.

Таблетка бодрости сработала почти мгновенно.

– Вы пьёте таблетки? А, от чего? – неуверенно интересуется полный мужчинка маленького роста с залысиной, одетый в старомодный свитер и большие очки. На его лице маска из подавленного испуга и сомнений. Жалкий типок. Кому только билеты в Рай не дают...

– Ни от чего. Это профессиональное. Все мои коллеги их пьют.

– Вы чем-то болеете? Вы... Не переживайте, я врач, может, посоветую что. – тихонько предложил пассажир. Глава семейства, блин. Ах, да. Его адская семейка из двух спиногрызов, дерущихся на заднем сидении, и сухонькой мамыши в сером платье и очках на пол-лица, тщетно пытающейся их утихомирить, мешали всю дорогу. – Потише! – тоненьким голоском прикрикнул он на мальчишек, которые, понятно, не отреагировали.

– Нет, ничем не болею. Эти таблетки – эмоции, сейчас бодрости принял, например. Мы же Слуги Смерти, у нас собственных эмоций нет. То, что сейчас чувствуете вы – удивление, восторг, волнение, – нам это доступно только за деньги.

Доставлю вас – получу денег, куплю ещё таблеток и буду испытывать те чувства, которые пожелаю. – натягиваю улыбку на лицо. – Ну, на которые денег хватит.

– А в Аду и Раю так же? – обеспокоенно осведомился собеседник.

– Нет, нет, энергия Ада питает демона, а Рая – ангела, последним вы вскоре станете. Нас же ничего не питает, а эмоции – удачный способ побудить к работе.

– Вы в рабстве? Это же почти Ад! Вас лишают чувств за работу!

– Да бросьте, какое рабство? Никто же не заставляет нас возить души. Просто, нет доставленных душ – нет монеток, нет монеток – нет эмоций. Решил путешествовать по Миру Мёртвых и не работать – ну, и существуй там себе без эмоций, никто тебя искать не станет. Как хочешь, так и существуй в чёрно-серых тонах.

– Ого! Тяжело так, наверное? Чувствовать только то, на что заработали.

– Да, нет, я привык. Даже есть свои плюсы: могу чувствовать, что пожелаю. Нет внезапной хандры или смеха без причины. Полный самоконтроль.

– А какие эмоции у вас в ходу? Ну... Если не секрет, конечно. – круглые глазки собеседника с детским любопытством сверлили меня.

– Умиротворение, заряд бодрости, здоровье – даёт ощущение силы и самодостаточности, успех – чувство высокой

самооценки, умиление даже есть, можно на закат поплакать, восторг ещё, легкая печаль...

– А любовь? – дребезжащим голосом поинтересовалась его жена сзади.

– Вот любви нет. Она в списке социально-опасных эмоций, наряду с гневом, отчаянием, зазнайством. Есть красные таблетки «эротик», но ими нечасто пользуются. Сексуального влечения нет, а договориться одновременно их купить и предаться утехам согласны далеко не все Слуги противоположного пола. Симпатии тоже нет.

– Ужасно так жить... – задумалась женщина.

– Да, нет, почему? Каждую эмоцию мы чувствуем на самом пике, как никто из живых. И, если уж Слуги занимаются любовью, то уровень счастья похлеще...

– Тут де-е-е-ети! – перебил меня мужчина.

– Ах, да, совсем забыл, извините. Отвык от Земли. Ну, самая популярная эмоция – радость. Расслабляет и делает довольным. Лучше любого алкоголя. Наркотиков при жизни, увы, не пробовал, не могу сравнить.

– А депрессия у вас есть?

– Депрессия? – я фальшиво улыбнулся и тряхнул головой. – Она по умолчанию идёт, если вовремя не подпитываться. Но у нас она сопряжена с почти физической болью, и все цвета вокруг меркнут. Словно в чёрно-белый телевизор попадаешь.

– Понятно. А, вот, как вы стали... им?..

– Извозчиком? При жизни хорошо водил.

– Да, нет. Ну... Слугой Смерти.

– А, вы про это? – впереди уже поблёскивали серебром Врата Рая. Высоченная райская стена из белого кирпича возвышалась над тропическим лесом, потому я стал притормаживать. – Ну, есть добрые люди, есть злые, у всех есть карма: либо хорошая, либо плохая. У вас хорошая на момент смерти – в Рай вас, у кого плохая – в Ад. А вот такие, как я, по жизни, видимо, созерцателями были, не разрушали ничего и не создали. Нейтральные. Нас в Слуги Смерти, в чёрные ангелы, доставляют души из Мира Живых сюда.

– Ясненько. А вы кем были при жизни?

– Бизнесменом каким-то, при деньгах жил, вроде, в политику даже лез, смутно помню. Наверное, потому что не своей смертью умер, разбился вот на этой машине. – похлопал по приборной панели своего железного коня: черной BMW M5 F10. – Психика повредилась немного.

– У-у, нам повезло, значит, мы-то сохранили всю память. Тоже на машине разбились, вот на этих разбойников отвлекся. – его дети продолжали припадать к стеклу и с восхищением тыкать пальцем на очередного динозавра или какое-нибудь другое мистическое существо, выпрыгнувшее из леса.

– Возможно, нам как-то фильтруют память, поэтому я забыл всё. Не знаю, да, это и не важно уже. Всё равно дороги в Мир Живых уже нет.

А вот и врата в Рай. Тут всегда небольшой затор из чёр-

ных машин на входе. Ангелы – те ещё бюрократы. Смазливые ребятки с белой накрахмаленной кожей и злыми светящимися глазами, носятся с серебристыми автоматами в руках и, подрагивая крылышками за спиной, скачут от машины к машине, тщательно проверяя ауру каждого пассажира. не залетит ли к ним случайно демон?

Старожилы-Извозчики рассказывали, как однажды по ошибке водила привёз им целый микроавтобус уголовников, погибших во время пожара в тюрьме. Ангелы его пропустили в Рай, груз не проверили, а зэки узрели всю эту красоту: стали вино хлестать да крылатых дамочек лапать, ещё с Архангелом чуть в драку не влезли. Белокрылые шум тогда подняли дикий, скандал устроили, и меры безопасности усилили.

Ну, как можно было явных уголовников и потенциальных демонов повезти в Рай? Так в принципе невозможно ошибиться. Может, восемьдесят лет назад состав «эмоций» был заметно хуже нынешнего, и водителя понесло не в ту степь?

– Привратник Антоний, проверка ауры груза! – в стекло машины постучал молодой ангелок с рыжими кудрями, горящими голубыми глазами и с серебряным узорным автоматом Калашникова в руках. Два внушительных крыла прижались к спине.

Открываю окно.

– Здравствуй, Антоша. Недавно умер, что ли? – поинтересовался у паренька.

– Ты откуда знаешь, Слуга? – огрызнулся он.

– Да потому, как ты представился, понял. Ещё, видать, ты гаишником при жизни был. Прямо как документы потребовал. – съязвил я. Видимо, не до конца растерял развитое при жизни чувство юмора. – Гаишник, попавший в Рай – это так необычно.

– Поостри мне тут, Извозчик. – сурово пригрозил он, дернув автоматом. – Я вообще-то погиб на дороге, бандита перехватывая, и не тебе меня подкалывать. Был бы ты демоном, уже бы очередь в твою рожу всадил.

– Злой ты какой-то для ангелочка. – усмехаюсь уголком рта. – Проверь, всё чисто.

Ангел открыл сначала заднюю дверь, взял из нагрудного кармана нелепые винтажные очки с ручкой и зелеными окулярами, посмотрел сквозь них сначала на напряжённую женщину и недоумённых детей, прижавшихся к ней, а затем на главу семейства. Ну, и глупо же выглядел ангел в этих маскарадных очках, а-ля дама на балу в девятнадцатом веке.

– Чисто! Проезжайте!

Заезжаю в Рай. Звенящие серебряными ожившими статуэтками птиц ворота остаются позади. Заворачиваю на внушительную парковку, сооружённую на опушке сказочного леса. Там уже с довольными физиономиями поджидают крылатые нянечки на вид лет тридцати – сорока, которые с умилением готовы взять под ручки очередного кандидата в ангелы и повезти его к личным апартаментам, созданным спе-

циально для него. Под каждую семью или одинокого человека, они каждый раз ваяют свой домик со всеми удобствами. Магия Рая позволяет вмещать огромное количество людей и здания, не занимая дополнительной площади планеты. Экономия.

– Что-то злые какие-то эти ангелы. – смутился пассажир после того, как его смерили суровым взглядом через зелёные очки.

– Да, не, просто высокомерные. Им внушают, что они – венец божественного замысла, их война с демонами священна, а Слуги – лишь прихвостни Тьмы, и тоже заслуживают огрести от их праведного гнева.

– А разве это не так? Ангелы же борются со злом...

– А, вон, за вами пришли! – не став утруждать себя очередными объяснениями, тыкаю пальцем в сторону улыбающейся красивой взрослой женщины в белом платье и платке на голове.

ГЛАВА 2

Рай полностью или хотя бы малую его часть мне никогда не удавалось увидеть. Только эту опушку леса, где особый класс ангелов, которых я прозвал «нянечками», забирает новобранцев. Нянечками чаще всего становятся сердобольные при жизни старушки, из тех, что кормят бездомных кошек, и, улыбаясь, могут заговорить с незнакомцем в автобусе.

Милые люди.

Вечерело. Трасса пустовала, и я мог позволить себе вдавить педаль в пол.

Чёрный БМВ несётся с бешеной скоростью. На спидометре стрелка стремительно поднимается: семьсот километров в час, восемьсот, девятьсот – за колёсами остаётся шлейф из синего пламени, а всё живое в радиусе метра от дороги замерзает от энергии Смерти, на которой машина работает.

Уверен, что сейчас какая-нибудь полёвка, подошедшая вплотную к дороге, превратилась в ледяную фигурку вместе с травкой, которую собиралась зажевать.

Алый закат медленно угасал. Красное солнце, которое здесь было больше и ярче, чем на Земле, скрывалось за горизонтом тёмной полоски леса. Его уходящие лучи играли на кожаном кресле машины и на моем чёрном, как оперение ворона, костюме. Заколдованное даже от того, что на дорогу выбежит мышь, дорожное полотно монотонно стелилось

предо мной.

Стемнело. Первые светящиеся бусинки звёзд загорались на иссиня-чёрном покрывале небосвода, бледный свет фар пронзал робко опустившуюся темноту.

По Основной трассе от Рая до Города Суда ехать ещё где-то около суток, может, даже больше, поэтому придётся в очередной раз поехать по быстрой трассе.

Быстрые от Основных отличаются тем, что их по площади Мира Мёртвых бесчисленное множество, проходят не вдоль побережья материка, и чаще всего представляют собой просто накатанные веками тропинки других Извозчиков. На них нет никакой магической защиты или асфальта.

На коротких трассах можно сэкономить сутки времени в пути, но есть высокий риск попасть в засаду или стать жертвой лесного чудища. Словом, быстрые трассы для смельчаков, желающих быстрее доставлять грузы и получать больше монет.

Тем временем Основная трасса несла меня к хвойным лесам. Ночь сделала высокие ели и пихты похожими на косматых великанов.

Надо бы упокоиться на несколько часов, чтобы уехать к рассвету. Ночью по быстрым трассам ехать совсем стрёмно: не заметить гоблинскую засаду и вляпаться в неё проще пареной репы, а желающих занять пуленепробиваемую тачку Извозчика с внушительным арсеналом в багажнике предостаточно. До рассвета можно перекантоваться в город-

ках мертвецов. Даже несколько часов сна не помешают мне приехать в Город Суда к полудню. По Основной притащился бы лишь к вечеру, а то и на другие сутки, даже если бы выжал из своей колымаги максимум.

Приборная панель в машине как в самолёте: куча кнопок и небольшой интерфейс с сенсорным экраном. Прогресс и до нас дошел.

Выбираю географический обзор и просматриваю, какие из городков мертвецов поблизости свободны. Так, самый первый по пути в лесополосу – Склеп: на него как раз участились нападения местной живности – значит, цена за номер снизилась.

Притормаживаю, чтобы не упустить поворот, и тут случается непредвиденное: в салоне резко холодает. Я это понимаю по тому, как лобовое стекло покрывается узорами, а на пиджаке оседает иней. Свет в салоне гаснет, и на стекле проступают очертания красивого женского лица с белой кожей и чуть резкими очертаниями. От пронзительного взгляда чёрных глаз исходила просто бешеная энергетика, прожигающая изнутри, и вместе с тем могильная стужа. На гладких тёмных волосах поблёскивали льдинки в диадеме.

Морана, славянская богиня смерти, моя начальница.

– Артур. – сладким, словно ей нравилось произносить мое имя, голосом позвала богиня. – У меня к тебе новое задание.

– Я слушаю.

Неужто посреди ночи придётся тащиться в Мир Живых

за очередной душонкой?

– В этот раз у тебя на родине, в Москве. Часов в восемь утра погибнет известный журналист Александр Ростов. Забери его душу по-быстрому.

– Погибнет? Он ещё не погиб, что ли? Обычно я подбираю уже готовые души, а не их проекции из будущего.

– Ой, Артур, я тебя умоляю: не строй из себя сурового профессионала. – усмехнулась Мара одними губами. – Ты тут и секунды не проработал, если сравнивать с моей практикой.

– Да, нет. Просто необычно как-то.

– Просто он не может не умереть. Его заказали уже, плюс один из лучших Киллеров от нашей стороны за него взялся, ангел-хранитель у него не самый опытный, да и парень явно без башни. Не слушает предостережений, как всегда, и погибнет. Тут линии вероятности просчитать несложно.

– Так, вот оно, что. Высылай координаты.

– Уже у тебя в бортовом компьютере.

– Принял.

– Сразу, как проснёшься – приступай. Можешь пока в городок мертвецов завалиться.

– Туда и еду, босс. – улыбнулся я. Это было скорее данью вежливости к подобию человеческого общения. Я уже давно забыл, что значит искренне улыбаться. От таблеток радости лишь неестественная лыба до ушей и желание смеяться над любой хреновиной.

– И ещё: береги себя, Артур. – эти слова она произнесла искренне, словно симпатизировала мне. Я бы даже удивился от этого, если б умел. – Ты у меня один из лучших водителей, но всегда гоняешь по быстрым трасам. Будь осторожней, мне бы не хотелось надолго потерять тебя из штата.

– Не беспокойся, у меня всё под контролем.

– Приятно это слышать. – в салоне вновь загорелась приборная панель, узоры растаяли на стекле, а лицо Мораны бесследно исчезло.

Резко торможу, заставив асфальт под колёсами вспыхнуть синим пламенем. Что-то живое глубоко внутри меня смачно выругалось на отборном русском языке. Проехал поворот! С диким скрежетом разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов и устремляюсь к разбитой дороге, ведущей в тёмную бездну дикого леса. Нахожу надпись на деревянной табличке кровью: «Сгрупп 12 км». Извозчики во всех народах есть, поэтому в Мире Мёртвых указатели на английском, немецком или французском. Все зависит от того, в какую эпоху жил человек, сделавший надпись, и какой язык тогда считался международным.

Хоть я и смутно помню жизнь, но, заезжая на быструю трассу, сразу о России-матушке вспоминаю. Дорога тут стала ещё хуже, чем прежде: на ухабах и неровностях машина чуть ли не отбивает чечётку, едва не расшибаю бампер об упавшее рядом с дорогой дерево (гоблинская ловушка?) и едва вписываюсь в резкие повороты по тёмной лесной тро-

пе.

Паранойи у мертвеца быть не может, а, значит, из кустов на меня действительно пялятся десятки голодных глаз. Заунывная песнь из воя местных чудовищ иногда прорывается сквозь рёв мотора. На дорогу прорываются и его исполнители – приходится резко тормозить перед облезлым серым вервольфом. Человек-волк, сутулясь, выбежал на дорогу, обернулся на машину невидящим взором белёсых глаз, прорычал и на двух ногах побрел дальше. Старый волк, вот-вот подходит.

Продолжаю путь, но скорость понижаю до пятидесяти: на этих извилинах вероятность влететь во что-то крайне возрастает. Склеп на навигаторе всё ближе, уже почти приехал.

– Твою ж мать. – пробормотал я, снова затормозив. Интересно, сильно ли я так тормоза изнашиваю, или заколдованным машинам незнакомы проблемы земных жестянок?

Впереди был предмет моего разочарования. Мёртвого, практически безэмоционального разочарования.

В грязном городишке, где я собирался переночевать, рублились уродливые зеленоватые горбуны, закованные в кожаные доспехи.

В кривых ручонках они сжимали топорики и ржавые мечи, кто-то из них даже пытался стрелять из затёртого автомата (у демонов стащили?), но при этом сам боялся своего оружия и визжал всякий раз, когда с дула срывалось смертоносное пламя.

Лесным дикарям противостояла организованная дружина зомби с самодельными копьями и дубинами, преимущество подгнившим людям давал «снайпер» со старым ружьём, стреляющий с балкона.

Перевеса ни с чьей стороны не ожидалось. Обе команды боялись напасть и ограничивались крошечными секундными схватками, после чего прятались по укрытиям. С обеих сторон отыскивалось от силы по паре погибших.

Недолго раздумывая, решаюсь вмешаться: все-таки я сюда подремать заехал, а не наблюдать вестерн в исполнении артистов фрик-шоу.

Выхожу и лезу в багажник: арсенал Извозчикам выдают, как на маленькую войну. Это на тот случай, если придётся увязнуть в засаде и отстреливаться от больших групп противников: тут к моим услугам заколдованный автомат, дробовик, пистолет—пулемет, пара гранат, пистолеты и даже револьверный гранатомёт! Интересно, каких мутантов в этих краях с него гасить надо?

Беру классику. «Томпсон» в лучших традициях разборочникагской мафии тридцатых годов. Дёргаю затвор и, чувствуя себя отъявленным разбойником Джоном Дилленджером – в деловом костюме да с пулеметом наперевес, – вальяжно иду в гущу событий. Гоблины, завидев меня, недоумённо озираются тупыми плоскими рылами с крючковатыми носами, а я уже нашпиговываю их тела магическим свинцом.

Гоблин-автоматчик пытается подстрелить меня, но точечная очередь превращает его в орущее багровое решето; два ближних смельчака с рёвом бросаются вперёд, заноса топоры, но в сантиметрах от меня их головы лопаются от пуль, как шарики, наполненные кровью. На этом сопротивление закончилось.

С хрюканьем и визгом остальное гоблинское отродье как тараканы разбегается по углам, оставляя убитых товарищей. Я же победоносно выхожу к местным обитателям Склепа. В руках дымится пулемет.

Жители осторожно опускают оружие, недоумевая появлению спасителя из темноты: дикие, голодные, в рваных лохмотьях вместо одежды, на многих плоть сгнила до скелета (признак острой нехватки эмоций). Без энергетической подпитки души с Земли в прямом смысле превращаются в ходячих мертвецов.

– Артур? – мне навстречу вышел скелет с редкими ошмётками мяса на теле, шляпой с самодельной звездой шерифа и в рваной куртке. Его огромные карие глаза диким взором взирали на меня из костяных глазниц. – Давненько ты к нам не заглядывал.

– Оно и видно. Без меня тут совсем бардак у вас.

– Умеешь же ты эффектно появляться, старый чёрт. – мертвец кладёт револьвер в кобуру и протягивает мне руку, обтянутую сухими лоскутами кожи.

– Я тебя тоже рад видеть, Джо! – снова криво нарисовав

радость на лице, пожимаю её. – Смотрю, изголодались вы тут совсем. – оглядываюсь на женщин и мужчин, похожих либо на больных проказой, либо на трупы, подверженные эксугмации.

– А чего ты хотел? Нападения усилились. Ваши давно не заглядывают, вот и не получаем питания. Уже думали кровь начать пить.

– Ну-ну, в крайности-то хоть не бросайтесь. Жизнь вурдалака, думаю, похуже вашей будет. – к слову, мертвец может испытывать подобие эмоций и облегчать состояние депрессии, если будет пить кровь живых существ, но есть «маленькие» побочные эффекты: с каждой такой трапезой он медленно, но верно превращается в кровососущее животное с большими клыками и теряет последние остатки разума, становясь диким зверем. – Человеческий облик лучше сохранять до конца.

– Ой-ой, философ нашёлся. Поди, просто рассуждать о человечестве, регулярно получая эмоции и отдыхая в квартире со всеми удобствами. – нахмурился шериф, он же мэр Склепа.

Джо – бывший демон, лет сто назад каким-то чудом сумевший сбежать из Ада. Правда, его побег ни к чему хорошему не привёл. За пределами Ада жизнь для иммигранта с Земли ничуть не лучше, чем там. Пока он по лесам скрывался от демонов, успел растерять последние остатки демонической энергии и перестал представлять для дьявола ин-

терес.

Казалось бы, всё осталось позади, но не тут-то было. Без адской энергии бывший демон – всего лишь душонка мертвеца, и в Мире Мёртвых своей жизненной искры не имеет. Проще говоря, у него не было эмоций, и он стал совсем как Извозчик, но с маленьким отличием: ему никто не предоставит работу, где бы он смог получить пилюли радости, легкой грусти или восторга.

Пришлось как-то выкручиваться, находить по лесам другие брошенные души и вместе с ними строить городок. Цель такого городка – построить небольшое поселение с отелем для проезжающих Извозчиков, чтобы те за безопасный ночлег платили им крохами с барского стола. Эмоциями.

Кто попадает в обитатели городков мертвецов? Сбежавшие из Ада, как Джо, изгнанные из Рая души, которые были потеряны во время доставки на Страшный Суд, и даже некоторые Слуги Смерти, уставшие от рутины в Городе Суда.

Да, такие, кто ради уличной романтики готов терпеть постоянное депрессивное состояние и эмоциональное голодание, тоже встречаются.

Много ли душ, оказавшихся выброшенными на просторы Мира Мёртвых без предназначения? В сравнении со всеми душами ангелов, демонов и Слуг – совсем мало. Но, с учётом того, что Мир Мёртвых существует тысячи лет, и его населяют миллиарды бывших людей, то вольных мертвецов насчитываются тысячи, а то и десятки тысяч.

– Брось жаловаться, Джо, лучше спать меня уложи и людей своих успокой, а то, вон, какими дикими глазами на меня пялятся.

– Ты на сколько? – резко поинтересовался Джо. Его голодный яростный взгляд меня немного напрягал.

– До рассвета. Как обычно. – мне это не казалось нормальным.

Обглоданные жители действительно медленно и ненавязчиво окружают меня. Они были слишком голодны, чтобы изображать дружелюбие, и их жажда порвать меня была очевидной.

– Сколько заплатишь?

– Как обычно: три радости, либо два блаженства и пять бодростей. – кольцо из жителей всё сжималось. Джо был напряжён. – Больше платить не стану! – стая ободранных зомби готовилась меня разорвать. Резко дёргаю затвор и стреляю в воздух. Кольцо сразу расходится. – Джо, – стиснув зубы обращаюсь к мэру, – ты меня расстраииваешь! Грабить Извозчика, а тем более меня, совсем не по-товарищески. После такого в твою дыру ни один даже самый затюканный водилка не заглянет.

В его взгляде что-то резко поменялось: голодный хищный взор сменился здоровой решимостью командира.

– Всем разойтись! Быстро! – рявкнул он на местных.

Те, почитавшие его железный авторитет даже в самых тяжёлых ситуациях, покорно разошлись и опустили свои само-

дельные орудия из деревяшек и камней. – Прости, брат. – он, глядя в глаза, похлопал меня по плечу. – Мы просто все очень голодны, я не хотел тебе навредить.

– Да, ладно, всё понимаю, тоже не в духе, когда баночка заканчивается.

– Платишь по стандартному тарифу, Артур, можешь даже дешевле, ты нас спас всё-таки...

– Да, нет, Джо, вижу, что у вас тут народ голодает, так что плачу по правилам, никаких скидок.

– А ты благородный. Удивительно, что в Рай тебя не взяли.

– Видимо, Высшие Силы поняли, что я не захочу носить нелепый белый халатик. Сейчас тачку в гараж загоню, не хотелось бы, чтобы её ночью кто-то поцарапал.

Возвращаюсь к одинокому немецкому железному коню, кладу автомат обратно и отвожу машину в крытый деревянный сарай, похожий на конюшню. В нём могло поместиться штук пятнадцать автомобилей, только как они там разворачивались в потёмках, чтобы друг друга не помять, оставалось загадкой.

Тем временем на улице стало тихо. Жители Склепа разошлись по домам, унеся в берлоги раненых. Трупы гоблинов так и остались валяться посреди площади: убирать их у местных не было сил.

Городишко назывался Склепом, потому что кривые трехэтажные домишки в нём были сделаны тяп-ляп: каждое без-

образное кривое строение как бомж на последней стадии алкогольного опьянения опиралось на такого же наклюкавшегося товарища. Одним словом, все дома с каждой стороны улицы были слеплены в отвратительного лежачего Франкенштейна.

Отель. На двери надпись, нанесённая на лист из содранной кожи гоблина: «Hotel». А внутри всё довольно цивилизовано: вполне ровная лестница, ведущая на второй этаж, по полу практически не бегают тараканы и прочие насекомые, блестит отполированная стойка ресепшна, за которой стоит бледный исхудавший мертвец с местами ободранной кожей. Он смотрит куда-то в стену мутным взором и потягивает из сосуда какую-то красную жидкость. Судя по тому, что от живого трупа разило спиртом, а изо рта уже выглядывали крохотные клыки, он мешал самогонку с кровью. Видимо, думал, что, если будет мешать с алкоголем, то не станет превращаться в вурдалака. Наверняка, подобно заядлым алкоголикам, думающим, что культурно выпивают, он вряд ли признавался себе, что медленно превращается в кровожадное чудовище.

Кладу на стойку положенное количество эмоций. Тот, не глядя на меня, с полным равнодушием к таблеткам сгребает их в ладонь и кладёт в ящик. Видимо, кровавая самогонка стала его основной зависимостью.

– Второйномерхорошеговечера! – куда-то в пустоту пробаранил он.

– Ну, спасибо. – ответил начинающему вурдалаку-алкоголику, поднимаясь по скрипучей лестнице наверх. Чёрт! Как же непрочно у них закреплены половицы: с каждым шагом кажется, что вот-вот рухнешь. Вцепляясь руками в перила, поднимаюсь на кривой пол второго этажа, сделанный из досок разной толщины, и прохожу в своё стойло к двери номер «2».

Открываю. Внутри встречает подобие кровати из шкур животных и криво сложенных досок, рядом стул и стол: на нём хохочут два небольших мохнатых домовых. Завидев меня, существа медленно растворяются в воздухе. М-да, не пятизвёздочный отель.

Снимаю пиджак, чёрную рубашку и галстук исключительно из желания не иметь наутро жёванный костюм, вынимаю из кармана баночку с эмоциями и достаю белую таблетку. Это таблетка покоя: меня накроет на несколько часов чувством умиротворения и блаженства спящего, большая часть моего сознания покинет меня, но я буду видеть и понимать, что происходит вокруг. Отдаленный аналог сна.

Закидываюсь таблеткой, достаю из кобуры пистолет «Беретта», если вдруг обезумевшие жители решат напасть, и ложусь.

Тёплая волна безмятежности и покоя обволакивает меня.

ГЛАВА 3

Бывает, жизнь подкидывает нам знамения. Они могут предупреждать об опасности или даже уберегать от них. Например, сломавшийся будильник. Из-за него ты опаздываешь на работу и, уже в спешке стремясь к метро, обнаруживаешь, что поезда... не ходят. Люди в панике говорят, что в тоннеле был взрыв, а в том поезде, что разнесло на части вместе с пассажирами, вполне мог быть ты. Либо ты мог запланировать важную деловую встречу, и тысячи мелких обстоятельств намекали, что стоит её перенести, но ты их проигнорировал, в результате получив сокрушительный провал. Иногда знамения просто призывают быть осторожным и проявить бдительность в каких-либо моментах. Подчас это помогает сохранить жизнь, здоровье, деньги или репутацию.

Александр был внимателен к знакам судьбы: чуткий и проницательный парень с развитой интуицией, он был расчётливым и старался обходить острые углы. Но, когда дело касалось справедливости и необходимости наказать преступника, он напрочь терял голову. Ничто и никто, как он думал, не может остановить его.

Вот и сейчас он совершенно игнорировал все попытки ангела-хранителя уберечь его. Он готовился к важному интервью: с той самой паскудой, от которой в его расследовании

и росли ноги. Местный криминальный авторитет под маской бизнесмена и благодетеля. Тот, которого сладкоголосо распевали в СМИ: как он любит свой город и заботится о его жителях, – а сам через третьих лиц поставлял в него крупные партии наркотиков, способствовал закрытию больниц, срубал вековые деревья в парках и на их местах возводил офисные центры. В его руках были все местные власти и правоохранительные органы, а те, кого он не сумел купить, позже были найдены либо повешенными у себя дома, либо внезапно утонувшими в реке.

Казалось, что он купил и запугал всех в городе, но только не Александра! Ряд публикаций, на которые он получал анонимные угрозы, уже доказывали, что он почти прижал этого ублюдка, и сегодня он выведет его на чистую воду. Конечно, тот согласился на интервью, надеясь, что сумеет выйти сухим из воды и ещё больше поднять свою репутацию в глазах общественности, но в арсенале у Александра были такие разгромные вопросы, от которых враг просто не сможет отвертеться.

Сегодня зверь будет загнан в угол.

Это интервью станет финальной точкой в расследовании, завершающим ударом копья в тело умирающего змея. Доказательств вины криминального короля собрано более чем достаточно, и сегодня его нелепые оправдания лишь забьют последние гвозди в крышку его гроба. Когда куплены все власти и полицейские, надежда остаётся лишь на четвертую

власть – СМИ, и Александр Ростов, как её принципиальный и честный представитель, не подведет!

Так он говорил себе перед выездом.

– Всё будет хорошо, родная, я знаю, что делаю. – он нежно поцеловал в лоб плачущую девушку, что не желала его отпускать.

– Не ходи туда! Прошу! Это очень опасный человек! – её взор был направлен в его глаза. Умоляющий, полный слёз и надежды. – Он обязательно пойдёт на подлость.

– Я должен идти. Пойми, я обязан завершить это дело до конца. Слишком много людей на меня надеются. – он обнимает её, и в этот момент сносит рукой вазу с цветами. Она с треском разбивается об пол, разрезая алые бутоны роз осколками.

– Вот, видишь, это знак! – взмолилась она, но Алекс лишь поцеловал её и ушел, улыбаясь ей дверях. В последний раз.

Она осталась одна – в слезах и в ужасе. Больше неё плакал лишь ангел-хранитель, незримо следовавший за своим подопечным. Он ещё не терял надежду, что его можно спасти. Даже несмотря на то, что в их окно уже который час смотрел слепым взором Киллер.

Нет, тот не был наемным убийцей из плоти и крови, что пришёл расстрелять тело Александра. Эта безликая фигура в чёрном плаще была куда страшнее. Её нельзя ни уговорить, ни купить, ни убить. Это воплощённое намерение самой Смерти. Киллер. Жнец, пришедший из Мира Мёртвых

за жизнью человека. И у них было бесчисленное множество изощрённых способов забрать её. Только ангелы-хранители способны разгадывать их намерения и продлить жизнь своего подопечного. Всего лишь продлить. Рано или поздно Киллер всегда забирает своё. И сегодня он хотел сделать это пораньше.

Красный шевроле «Корвет» никак не хотел заводиться.

«Кажется, не стоило брать б/ушную машину, хоть и спорткар» – подумалось Алексу.

На самом же деле ангел-хранитель рядом с ним тратил все свои силы, дабы удержать его: направлял нешуточное количество энергии, чтобы зажигание не включалось. Своего единственного и любимого подопечного нужно спасти любой ценой, ведь мрачная тень Киллера уже неспешно скользит в свой чёрный «Мустанг», готовясь ехать за ними...

Но, нет! Упрямый человек таки заводит свою машину и трогается с места. Ангел в панике. Машина Киллера, хрипя мотором, плетётся следом. Нужно срочно что-то предпринять!

Ангел снова собирается с силами и глушит мотор.

– Твою ж мать! Да, что за чертовщина-то?! Точно, говно купил, а не машину. – Александр снова заводит мотор, а затормозившая хищная машина Киллера продолжает следование за добычей.

Не помогло.

Хранитель не сдаётся. Он вылетает из машины, запуска-

ет руку в Мир Мёртвых и отчаянно просит у Рая сил. Громкий властный голос даёт добро, и поток светящейся энергии добра разливается по телу ангела. Да! Теперь он чувствует невероятный заряд бодрости, он сможет сделать то, что задумал. Это-то наверняка остановит Алекса.

Ангел пулей летит вблизи дороги, выцеливая острые предметы. О! Ржавый гвоздь вот уже месяц валяется у тротуара. Хранитель быстро анализирует его историю и структуру. Так, выпал из груженого грузовика, когда-то держал тяжелые доски от деревянного дома, под тонким слоем ржавчины он ещё достаточно прочен. Надо лишь чуть-чуть согнуть его и подвинуть к линии движения машины Алекса.

В считанные секунды хранитель запускает руки в вязкую материю пространства, получая разрешение у высших сил на незначительное влияние на других людей. К такому ангел может прибегнуть лишь в крайнем случае: если его подопечному угрожает смертельная опасность.

Пространство одобрительно теплеет, высшие силы дают добро, а ангел устремляется к двум водителям. Он совсем как компьютер подключается к бессознательному разуму тучного водителя внедорожника и убеждает его перестроиться в правый ряд, ближе к обочине. Тот машинально и неосознанно делает это, подцепляя гвоздь. Кусок металла отлетает на середину трассы под нужным углом. Хранитель резко подлетает вверх и пикирует в грузовик к усатому зрелому мужчине, шепчет ему: «ускорься». Тот покорно надав-

ливают на педаль газа и проезжает двумя колёсами по гвоздю так, что он вылетает из-под машины согнутым и приземляется на асфальт. Острая сторона, поблескивая, победоносно смотрит к небу. То, что нужно!

Правое колесо «Корвета» Алекса в аккурат натывается на гвоздь и лопаается. Полдела сделано.

Журналист матерится и ставит машину на обочину.

– Может, реально не надо было ехать? – говорит Алекс, выходя из спорткара.

Ангел счастлив. Ему удаётся убедить подопечного, а машина Киллера затормаживает очень далеко. Видимо, даже тёмная сила поняла, что он победил, и решила отступить.

Но призрак надежды тает так же стремительно, как расстояние между машиной Киллера и ними. Чёрная смерть на «Мустанге», издевательски гремя двигателем, приближается. Алекс невозмутимо меняет колесо и вновь садится за руль.

Да, что же он творит-то?!

– Я столько давал знамений, неужели нельзя понять, что идёшь на гибель?! – в отчаянии закричал подопечному ангел, но тот, как всегда, не слышал. Он лишь молча подъехал к ресторану, где состоится роковая встреча. Голодная рептилия машины Киллера в ожидании прилегла рядом. Как всё-таки жаль, что Киллера нельзя ни отогнать, ни убить. Можно лишь переиграть его и оттянуть его следующий приход.

– Опаздываете, Александр! – искренне улыбаясь и слад-

ким, как сгнившее яблоко, вываленное в сахаре, голосом поприветствовал его Иван Дуков.

– Прошу прощения, технические проблемы. – сквозь зубы вежливо ответил Алекс, пройдя к стулу через двух громил-охранников.

– Ничего страшного. – он снова учтиво улыбнулся, словно к нему пришли не предъявлять обвинение, а поговорить о последних успехах в бизнесе и покупке очередной яхты на Гавайях.

В Дукове в жизни не заподозишь верхушку криминального синдиката: стройный полуседой мужчина, на лице загар и вечная белоснежная улыбка, морщины редкие, только у уголков голубых глаз, взгляд всегда добродушный, как у продавца мороженого рядом со школой, одет в элегантный чёрный костюм с золотым галстуком. Репутация Дукова безупречна: филантроп, основатель ряда благотворительных фондов, примерный семьянин, почти супергерой, чёрт подери, но за всеми его даже самыми безобидными и гуманными делами скрывались чьи-то жизни, чьи-то миллионы отмытых денег.

Алексу внешностью пыль в глаза непустишь. Он тоже на скорую руку налепил маску доброты и немного расслабил оппонента, давая понять, что пришёл дружески побеседовать и просто немного прояснить ситуацию по поводу закрытия старейшего культурного центра, а также внезапной гибели его директора, который был против того, что на его

месте возводят супермаркет. Дуков улыбался, отвечал спокойно, дружелюбно и непринужденно, лишь змеиное равнодушие в глазах выдавало его истинную сущность.

Но, даже когда Алекс выводил его на провокации и уже начинал откровенно задавливать его доказательствами, ни один мускул на лице Дукова не дрогнул.

– Людей слишком много, всем не угодишь, всем хорошо быть не может. Элита выживает и добивается благополучия, как умеет. – философски отметил он.

В это время на улице Киллер уже вышел из машины и, замерев, как статуя, внимательно уставился на машину Алекса. Какой-то мужчина с капюшоном на лице, чем-то напоминающий своим безличием Киллера, неспешно подошёл к машине Александра. Осенью вечерело рано, и в потёмках мало кто обратил внимание, как ловко незнакомец вскрывает чью-то машину, немного возится с замком зажигания, подключая к нему взрывчатку, и, как тень, ускользает прочь.

Такого резкого и практически неизбежного поражения ангел никак не ожидал. Он метнулся, как ошпаренный, пытаясь сбить Киллера с ног, хотя прекрасно понимал, что это невозможно.

– ОТСТАНЬ ОТ НЕГО! НАЙДИ СЕБЕ ДРУГУЮ ЖЕРТВУ! – завопил ангел, вцепившись в плащ убийцы. Тот даже не шелохнулся. Лишь безмолвно стряхнул с себя Хранителя, словно пыль.

Рассерженный Александр быстрым шагом выходит из ка-

фе. Ангел совершает последний рывок к нему и выбивает у него из рук ключи. Последняя отчаянная попытка что-то исправить, но Алекс буквально на лету их ловит и садится в машину. Ангел в бессилии падает на колени, он ещё борется, ещё старается что-то придумать, но Александр проворачивает замок зажигания. Вспышка взрыва вышибает стёкла в кафе и близлежащем магазине, а в разорванной куче металла, объятый огнём, погибает смысл жизни Хранителя...

Киллер с минуту смотрел на пылающую машину, словно турист на костёр после долгого пути, неспешно сел в чёрную машину и с победоносным рёвом мотора убрался во тьму.

– Было бы лучше, если бы он отравился или налетел на нож у себя в подъезде. – немного расстроено произнёс Дуков, смотря на выбитое стекло, в котором полыхал его интервьюер. – Не пришлось бы платить за ремонт.

– Так будет лучше, Иван Матвеевич. – заверил крупный лысый мужчина в тёмно-красном пиджаке. – Пусть это не выглядит бытовухой. Другим должно стать неповадно копать под нас.

– Логично. Выходим через чёрный ход! Нам не нужно лишнее внимание.

Вечером этого же дня Дуков будет по телевизору приносить свои искренние соболезнования семье известного журналиста.

И говорить, что лично поможет найти убийцу, несмотря на их разногласия с Александром...

ГЛАВА 4

Когда засыпаешь на просторах Мира Мёртвых, утро добрым не бывает. Сладкое состояние покоя разорвал какой-то поросячий визг, перемешанный со звуком падающего с моста грузовика. Земля дрожала так, что меня чуть подбрасывало на кровати, а весь дом ходил ходуном. С пистолетом в руках бросаюсь к окну и открываю деревянные ставни (в самом деле, о каком оконном стекле может идти речь, когда местные с трудом-то научились пилить?).

На улице мракобесие. Видимо, гоблины решили поквитаться за поражение минувшей ночью и на рассвете притащили тяжёлую артиллерию. Несколько ржавых цепей из всех сил сжимала дюжина хрюкающих гоблинов, но великан, которого они сдерживали, рыча и брызжа слюной, прётся вперед. Его красные глазища налились лютым безумием, а в здоровенной руке толщиной с вековой дуб он с треском сжимал ствол вырванного ясеня.

Вот, я впервые и увидел тебя, гроза болот. Огр. Мутно-жёлтая образина размером с двухэтажный дом, слепленная из распухших канатов стальных мышц. Мощное туловище практически сразу переходит в безобразную голову с торчащими клыками и неимоверно широкой челюстью. Ревя, как медведь, тупая громила, чьё тело покрыто шипами, измазанными грязью и дерьмом, напирает на городок.

Из хижин устало вылезают облезлые мертвецы с ржавыми ружьями и рогатинами наперевес. Они настолько одичали без эмоций, что совершенно безразлично лезут под грязные многотонные ножища великана.

На это пушечное мясо мне плевать. Куда больше заботит, что своими выстрелами они окончательно взбесили огра: он вырвался из цепей, подбросив в воздух нескольких гоблинов, и так яростно замахал ясенем, что часть домов лишилась крыш. Монстр быстро двигался вперед, затапывая и забивая всё, что видел: два хлипких дома он уже разнёс наполовину. Поломанные кучи тел мертвецов прокладывали чудищу путь, который вёл...

Прямо к сараю, где стоит моя машина!

В руках только небольшой заколдованный пистолет. Далеко не гранатомёт, да, и разрывными патронами не пуляется, чтобы иметь возможность остановить такую громадину. А огр всё ближе, его покоцанная дубина из ясеня свистит уже совсем рядом с сараем.

Я высунул руку из окна и прицелился. Безобразная голова чудища направлена вперёд, красные глаза вытарашены. Мушка идеально легла на прицел, направляясь прямо в красный левый глаз огра. У мертвеца нет сердцебиения и дыхания, руки не дрожат, а взгляд смотрит, не мигая. Просто идеальный снайпер.

Когда разъярённый огр подает тело чуть вперёд, а из его вонючей раскрытой пасти выносится истошный вопль, я

спускаю курок. Громогласный хлопок выстрела. Светящаяся заколдованная пуля попадает чётко в цель, разрывает глазное яблоко на ошмётки и тонкой дырочкой в затылке, словно иголкой, проходит навывлет.

Монстр задирает башку к небу, издаёт недоумённый зевающий вопль и, выронив дубину, падает посреди улицы. Великан повержен. Его «хозяева», визжа, как поросята разбегаются прочь, а обглоданные мертвецы остаются недоумённо пялиться на распластанную вонючую тушу. Часть мертвецов, раздавленных дубиной, бесформенными кучами переломанных костей с чёрной кровью хрипят, делая жалкие попытки встать. Умереть они не могут.

Люди вообще в этом мире умереть не могут. Только потерять всю энергию в случае летальных повреждений и потом долго обретать способность полноценно двигаться и мыслить. Извозчиков, «погибших» на полях Мира Мёртвых, выхаживают в жутком месте, именуемом Госпиталем. Ангелов и демонов, понятное дело, латают у себя в куцах и котлах. Не знаю, как в этой реальности можно умудриться убить себя, но вот надолго выйти из строя – это без проблем.

Кладу дымящийся пистолет в кобуру, глотаю жёлтую таблетку радости и хохочу, чувствуя, как сладкий вкус победы над монстром, заполняет моё сознание. Как же всё-таки клёво эта образина завалилась мордой в грязь, а? Да, я крут! Неимоверно крут! Чувствуя, как внутри играет музыка счастья, пританцовывая и напевая что-то из рока, одеваюсь

в костюм, одергивая и поправляя его как перед свиданием, и с потрясающим настроением выбегаю из отеля.

– Йе-е-е-е-ху-у-у-у-у-у-у! – я вприпрыжку подбегаю к группе оцепеневших трупов, сжимающих дубины. Пустые взоры по-прежнему изучали дырку в голове огра. – Как я его уделал-то, а? Учитесь! – я понимал, что бредил, но остановить этот нескончаемый поток веселья никак не мог.

Пританцовывая на бегу, я пару раз пнул грязную тушу и отправился к ангару. Какая-то прогнившая баба у входа улыбнулась почерневшими зубами и осторожно взяла меня за рукав, но я весело толкнул её в лоб и проследовал к своему железному коню.

Открыл дверь, сел за руль.

– Ты... Это, может, ещё останешься? – с надеждой прохрипел Джо, когда я притормозил рядом с ним.

– Да, не. – засмеялся ему в лицо. – Меня ждут великие дела! Гудбай, мертвечины! – ударив по газам, я успел выбросить в окно таблетку бодрости и с удовольствием смотрел в зеркало, как толпа оголодавших мертвецов, будто пираньи, живо бросаются на неё.

Я неадекватен. Цвета вокруг дико яркие, словно солнца стало вдвое больше: радуется всё, даже пролетевшая перед машиной пташка

«У-ти, какая яркая» – отмечаю про себя.

Пока я петляю по пыльным лесным дорогам короткой трассы, сознание постепенно возвращается. Я всё ещё улы-

баюсь, и цвета вокруг необычайно яркие, но могу уже трезво мыслить. Радость же ощущается какой-то искусственной, словно она где-то вне меня.

На дороге прямо перед машиной выскакивает небольшая стая кентавров и тут же с криками ускакивает от сигнала. Вот, вроде есть человеческая голова на плечах, а сколько таких бросалось под колёса, как тупой скот?..

Склеп далеко позади. Рассветные лучи с трудом проникают сквозь тьму дремучей чащи. Вокруг тропы лишь исчерна-зелёные ёлки, спутавшиеся сучьями. Из непроглядных недр леса раздаются воющие и скрипящие звуки, а где-то на грани взора постоянно мелькает какой-то силуэт. Смотрю на шкалу магической активности слева от спидометра. Стрелка поднялась более, чем наполовину, а это значит, что вокруг полно враждебных духов, и стоит проявить осторожность.

Скрип и треск. Резко увожу руль влево, уклоняясь от упавшего на дорогу трухлявого дерева. Оно, словно дубина огра, резко бьёт рядом с дверью, разваливаясь на куски.

Это не случайность. Здешние духи не нападают в лоб: они могут опрокинуть что-то на дорогу, замаскировать яму или пустить оголтелое чудище под колёса. Сущности Мира Мёртвых враждебны к мертвецам с Земли в любых проявлениях: будь то ангелы, демоны или Слуги. Как я понял из рассказов, жизнь на этой планете процветала ещё задолго до того, как сюда стали спускаться души умерших, и поэтому Мы

здесь чужие.

Мы – могущественные пришельцы, захватывающие их территорию. Нежить. Тёмная сила, которую нужно бояться и искоренять. Нам не рады тут. Коренное население либо избегает нас, либо хочет убить. Компромиссов практически нет.

Шкала магической активности потихоньку снижается, и я высматриваю на карте прямой участок для разгона. А, вот узенькая объезженная тропа метрах в трёхстах. Голая пыльная дорога, даже коряги не торчат.

«Координаты загружены» – выдаёт бортовой компьютер. На экране карта редких лесных дорожек сменяется привычной московской, прям как со спутника. Дёргаю ребристый рычаг телепортации.

«Портал в Мир Живых активирован» – равнодушно выдаёт машина.

Пространство впереди искажается, очертания деревьев теряют ясность и начинают плыть. Посреди трассы с гулом расширяется чёрная дыра. словно бездонное око смерти, оно неистовым взором прожигает всё вокруг, и вместе с тем обдаёт могильной стужей. Всё живое в радиусе пары метров скукоживается, желтеет и умирает. Магическая активность зашкаливает так, что стрелка готова разбить стекло и отлететь куда-то на заднее сиденье. Выжимаю газ – мотор с тысячами лошадиных сил послушно гремит, как сердитый громовержец, стрелка спидометра резко прыгает вверх, пыль ог-

нём выстреливает из-под колёс, и зверь из магической стали метеоритом влетает в туннель.

Я проваливаюсь во тьму. Все трясётся и дребезжит, руки с трудом сжимают руль, тьма стелется по капоту, её дрожащие чёрные волны готовы пролезть в салон и задушить ледяными бесплотными руками.

Впереди свет. Сначала маленькая щёлочка, но с каждой секундой она расширяется всё больше и больше, отбирая у тьмы всё больше территории. Я ускоряюсь, я мчусь к свету. Мчусь до тех пор, пока он не становится всем, а вездесущие щупальца тьмы не растаивают, как пудра на солнцепёке.

И, вот, мир вновь обретает очертания, под колёсами снова асфальт, а не рыхлая тёмная материя. Мир Живых. Россия. Москва.

Сложно отследить, что здесь изменилось за время моего отсутствия. Во-первых, я свою жизнь помню обрывками, так что очертаний знакомых улиц совсем немного, а, во-вторых, Мир Живых глазами мертвеца выглядит совсем иначе.

Здесь я тень. Незримая и бесплотная тень, проходящая сквозь всё и вся. Дома словно из стекла, а люди прозрачны, как глубоководные рыбы. Лишь сердце пульсирует внутри них ярко-алым огоньком.

Мир Живых – поле битвы, где каждую секунду добро сражается со злом, а жизнь со смертью: здесь рядом с прозрачными людьми шагает прекрасный ангел в сияющих белых одеждах, с опаской оглядываясь на черные машины безли-

ких волков – Киллеров. Их спорткары вальяжно, словно акулы, патрулируют улицы в поисках новых жертв.

Полненький мужчина в очках, совсем как тот, которого я привозил вчера в Рай, торопливо перебирает ножками и вытирает платком пот со лба. Его можно отметить в толпе, потому что пульсирующий огонёк жизни внутри него становится всё слабее, а его молодой хранитель белеет от испуга за своего подопечного.

Вдруг сзади резко возникает «Понтиак», обгоняет мужичка и с визгом тормозов разворачивается. Ангел пытается что-то сделать, но теряется. Киллер – нет. Дверь открывается, взлетает рука с пистолетом и глухим выстрелом гасит огонёк внутри мужичка. Его тело рушится, а его душа, яркая и детализованная, словно из плоти и крови, недоумённо встаёт на месте. Инфаркт. Видимо, запустил своё здоровье, и Киллеру не составило труда забрать его жизнь.

Киллеры одинаковы. Белая тряпка вместо лица, мятая фетровая шляпа и потёртый кожаный плащ. С ними никто не мог заговорить: они просто высматривают жертву, забирают жизнь и быстро уходят. Кто они и откуда, неизвестно; чем живут, помимо охоты – тоже. Говорят, что они никогда не были людьми, а родились такими ещё до начала времён. Они лишь материальное воплощение помыслов Смерти.

Тем временем я следую по карте к локации, где погиб мой пассажир. Мой путь лежит через спальные районы, где часть домов охвачена незримым адским пламенем. Словно пауки,

к людям подбегают и цепляются мелкие злобные чертята. Пока ангел-хранитель не скинет паразита с подопечного, тот будет гнусным голоском искушать его на несправедные мысли и деяния. Сначала покажется, что орды карликовых немых бесов хаотично носятся по улицам, нападая на каждого, до кого дотянутся крохотные цепкие ручонки, но это не так.

Через каждый квартал из земли вырастает багровый столб, сияющий золотыми символами сатаны. Его венчает бронзовая чаша, в которой сидит крохотный верховный бес, обвешанный украшениями. Его чёрная шёрстка приглажена и поблёскивает, его дымчатая, похожая на обезьянью, морда напряжена, а пурпурные бусинки глаз внимательно следят за действиями каждого чёрта.

Светлыми штрихами, постоянно меняя свои очертания с человекоподобного на звериный, то испаряясь, то возникая вновь, у стен крадутся духи. Серое дрожащее небо закрывают призрачными крыльями сумеречные змеи, а сквозь асфальт продирают свои каменные стволы деревья смерти. В их ветвях можно увидеть Плакальщика: дух с печальной маской на лице в траурном плаще сжимает в руках флейту. Под её заунывную мелодию души умерших покидают этот мир.

Я на подходе. Впереди тускло мерцает костёр сгоревшей машины. В голове затрещал образ пылающего куска металла, врезавшегося в столб. И бесформенного куска мяса моего тела в нём... Иногда воспоминания – или что-то похожее

на них, – болезненно мелькают в сознании.

Вывожу на экран досье. В Мёртвой Канцелярии щедро постарались собрать характеристику Александра Ростова: фото, инициалы, важные даты, политические и религиозные предпочтения, и даже пара страниц краткой биографии.

Он в смятении стоял у своей взорванной машины. Его плачущий ангел-хранитель выдал лишь слёзное: «Прости!», окутался бирюзовым пламенем и, не издав ни звука, сторел заживо. Его останки дымящийся кучей костей и пепла легли у ног подопечного. Когда погибает тот, кого нужно охранять, ангел гибнет вместе с ним, чтобы через сорок дней восстать из пепла и взять под крыло нового человека.

С минуту я подождал, пока жилистый светловолосый парнишка оправится от шока, и медленно подъехал.

– А, ты ещё кто? – с вызовом поинтересовался он, когда рядом с ним возникла чёрная машина, а из окна посмотрело мертвенно-бледное лицо. – Сама смерть?

Видимо, Алекс сразу сообразил, что погиб. и сориентировался в обстановке. Такие пассажиры куда лучше, чем те, что носятся, как ошпаренные, пытаюсь вернуться обратно. Их иногда и огреть приходится, чтобы успокоить.

– Не лъсти мне, Александр, я всего лишь Извозчик душ. Идём со мной.

Почему-то, когда дело касалось до заманивания пассажира в машину, я включал загадочного и равнодушного всадника смерти. Ну, хотя, это правильно. Человек, который толь-

ко что умер, вряд ли проникнется доверием к улыбочивому водителю, предлагавшему прокатиться в один конец до загробного мира. Умерший должен чувствовать всю полноту того, что это не розыгрыш, что Мир Живых позади, а его тело действительно начинает загнивать где-то поблизости. Поэтому и Извозчик должен вести себя соответствующе.

– Ты увезёшь меня в Ад? – он с недоверием покосился на натёртую до зеркального блеска машину.

– Я знаю, что ты глубоко верующий человек, поэтому ты прекрасно знаешь, что тебя сначала ждёт Страшный Суд. Я отвезу тебя на него.

Алекс мрачно оглядел непривычные окрестности призрачного мира, некогда бывшего для него родным.

– У меня есть право попроситься? – чуть подняв голову, уверенно спросил он.

– По Закону Мира Мёртвых у тебя будет час. Я смогу отвезти тебя только к самому близкому человеку.

– Идёт. – Алекс быстро саел на переднее сиденье. – Ну, чего ждёшь? Поехали. Дорогу покажу.

Она всё понимала... Даже не понимала – чувствовала.

За окном шёл дождь. Она стояла в полумраке и смотрела в окно. Капли дождя, бегущие по стеклу, словно повторяли движение бегущих по её щекам слёз. Она смотрела в окно и понимала... Он больше не придёт. Он уже не вернётся. Никогда. Его больше нет...

Но почему-то... Почему-то она незримо ощущала рядом с собой его присутствие. Словно чувствовала у себя за спиной его тяжёлое дыхание, тепло его рук у себя на плечах. Ей даже стало чуточку теплее от этого ощущения. Ощущения, что он рядом...

Он действительно стоял у неё за спиной. Бестелесным и невидимым призраком, он гладил её по щеке и шептал: «Прости, любимая».

Она всплакнула и попыталась дотронуться до его руки, но не почувствовала её. Но он был рядом! Она знала. Её сердце не могло обмануть. Медленно повернувшись, она посмотрела впереди себя и выдавила: «Прощай».

Он видел её глаза. Видел её слезы, видел её боль и мерцающий огонёк любви... И гаснущий огонь надежды. Жаль, она не видела его страданий.

– Прощай. – неслышно произнёс он, растворяясь в темноте.

– Попрощался? – спросил я у выходявшего сквозь прозрачную стену своего бывшего дома Алекса.

Пока я вёз его сюда и рассказывал кое-что об устройстве Мира Мёртвых, мне показалось, что ему можно доверять. И с пистолетом в руках сопровождать до двери его девушки было бы лишним. Сбегать он не собирался, но всё равно был в печали. Умирать не так-то просто, даже если ты ушел из жизни во сне в почтенном возрасте. Это всегда тяжело.

Это всегда стресс. С новой жизнью, даже если ты становишься сверкающим ангелом, всё равно приходится свыкаться.

– Да. – выдавил он.

Алекс держался. С трудом, но держался. У него осталось незаконченное дело, неотомщённая собственная смерть и плачущая женщина, которая уже никогда не станет его женой.

– Забудь её. – настоятельно посоветовал я, опершись о кузов машины.

– Что? Я люблю её! Я буду ждать её на том свете.

– Поверь, вот этого делать совсем не нужно.

– Почему? – он недовольно поднял бровь, а я скрестил руки на груди.

– Видишь ли, друг мой, – я приобнял его за плечо и повел к правой двери, – любовь – это очень мощное чувство, оно может проникать даже сквозь время и пространство. Если ты будешь продолжать её ждать и поддерживать с ней эмоциональную связь, то она так и проживёт в ожидании тебя и не найдет себе счастья на Земле. Хочешь сломать девочке жизнь? Валяй.

Алекс опустил глаза.

– Ладно, я постараюсь.

– Просто, чтобы ты имел в виду. Я не ангел, отговаривать тебя не собираюсь.

– Я тебя понял. – садимся в машину. – Я смотрю, не зря меня предупредил. Ничто человеческое тебе не чуждо, Из-

ВОЗЧИК.

– Просто, я где-то около года назад тоже был человеком. – снова натянуто улыбаюсь и завожу мотор. Приборная панель светится, как новогодняя ёлка.

– Серьёзно? Я думал, ты просто материальный дух.

– Все мы такие после смерти. Артур. – протягиваю ему руку в перчатке.

– Ну, ты знаешь, как меня зовут. – пожимает в ответ. – Слушай, – он с любопытством разглядывает меня, – а у тебя, случайно, не Орловский фамилия? Больно ты мне того бизнесмена напоминаешь, что вместе с Дуковым работал, а потом погиб.

– Вот, чего не знаю, того не знаю. – честно признался я. – Помню, тоже бизнесом каким-то занимался, влияние имел. Но свою фамилию – нет. Да, и с кем работал, тоже. Может, оно и к лучшему, что не помню. Это ведь не самый хороший человек, поди, был?

– Ну, лично у меня на него ничего нет, кроме того, что с Дуковым работал. А, так, человек известный был, уважаемый...

Обрываю его:

– Забудь о них всех. Это уже не имеет значения. – объехав «Додж» Киллера, выезжаю на шоссе. – Пристегнись!

Алекс не спорит, накидывая ремень. Дёргаю рычаг, серебристый мерцающий сгусток выстреливает из-под бампера и взрывается в сотканный из ослепительного света пор-

тал. Удар по газам.

– Скажи «пока» этой планете!

Мы в Мире Мёртвых.

ГЛАВА 5

По какому-то сложному закону метафизики мы можем из Мира Мёртвых перемещаться в любую точку Мира Живых, а обратно только туда, откуда телепортировались. Именно поэтому нас снова выбросило посреди тропы в дремучем лесу.

– Прямо, как лес Змея Горыныча. – отметил Алекс, оглядываясь. – Я ожидал, что мы по какой-то огненной пустыне носиться будем.

– Таковая тоже имеется. Ближе к Аду. Там в радиусе пары сотен километров точно всё выжжено.

Дремучая лесополоса постепенно прерывается: сначала густой занавес тумана заставляет сбавить скорость, затем шумящий птицами и духами лес становится всё реже, и вот мы уже мчимся по Синим Холмам. Цифры часов здесь замирают, стекло запотеваает, сквозь туман проносятся леденящий душу вой и синеватые очертания чьих-то рассерженных лиц.

– Мрачновато. – Александр немного беспокоен. – Это мы чистилище какое-то проезжаем?

– Нет, это наш мир. Мы называем его Миром Мёртвых, но, как таковые, души мертвецов здесь только наши, людские. Остальные простые живые существа, о которых мы на Земле слышали только из легенд.

– То есть, тролли, гномы...

– Да, да.

– И как о них стало известно на Земле?

– Раньше люди магией увлекались много, и на природе больше были. – тщательно присматриваясь к очертаниям тумана, отвечаю я. – Умели взаимодействовать с тонким миром и получать из него информацию. Слышали тут люди очень о многом, даже о здешних древних существах.

– Ясно.

– На Страшный Суд мы в ближайшие несколько часов точно не попадем. Синие духи расшалились, газану – сразу скооперируются и мощный заслон поставят, расшибёмся.

Дорогу облепили самые злые бестелесные создания в этом мире. Духи Синих Холмов. Разрывают не только мертвеца, но и вообще любого чужака, кто не из этих краёв. Только эльфийские шаманы могли спокойно ходить по этим местам за волшебными ягодами.

И, то, возвращались далеко не все.

– Здесь всё такое агрессивное?

– Ага, и это вполне оправдано. Представь, что у нас на Земле территорию резко заполняют какие-то закрытые государства, откуда выскакивают огненные крылатые твари, а по твоим городам, как у себя дома, расхаживают жуткие чёрные всадники. Тебе тоже станет не по себе.

– То есть, эта земля раньше не была Миром Мёртвых?

– Миру Мёртвых где-то сотня тысяч лет. Он появился, едва люди получили примитивные представления о добре

и зле. После этого высшие силы сразу соорудили Рай с Адом и начали перетаскивать людские души. – колесо чуть подпрыгивает – видимо, какой-то дух тщетно пытался подцепить. – А, так, раньше сюда скидывали на реинкарнацию всякое зверьё с Земли, типа динозавров и мамонтов. В экосистему те идеально вписывались, поэтому местные против них не бунтовали. Вообще, за обычных животных принимали.

– Хм-м-м, никогда не думал, что жизнь после смерти так сложно устроена, и что в неё вовлечена целая Вселенная.

– А ты как хотел? Мы же не одни в Космосе, а божественные силы едины. Цепь замкнута.

– Ну это понятно. – Алекс задумчиво рассматривал туман и просвечивающиеся сквозь него холмы. Бугорки земли здесь стоят совсем близко друг другу, и один холмик перерастает в другой, словно бархан. Трава на них растёт редкая, и исключительно синего цвета.

– А, вот, что с душами местных обитателей? У тех же эльфов наверняка есть душа. Тоже в Ад и Рай ссылают?

– А, вот, чёрт знает. Видимо, во Вселенной у них есть свой Мир Мёртвых, где они обретают вечное существование. – я намеренно не сказал «жизнь». – На каждой планете свой есть, но проявляется по-разному. У нас на Земле вообще незримо околачиваются какие-то сумеречные чудища. Походу, это души с другой планеты. Здесь же мы в открытую носимся и пугаем сказочный сброд. Где-то все иначе устроено.

– Понятно. Вижу, тебе все секреты мироздания откры-

ты... Про смысл жизни не расскажешь?

– Нет, конечно. Я далеко не все знаю, – сквозь туман вижу, как за машиной стаей бегут силуэты волков, стремительные, размером с машину; пасти раскрыты широко, и даже через пелену видно, что из их зубов кинжалы делать можно. Продолжая следить за туманом, нажимаю на газ. Кто знает, что этим тварям надо, и сколько силы в них? – Много интересного у старожил узнал. Тем, в свою очередь, Боги Смерти что-то рассказывали. Да, к тому же, сарафанное радио никто не отменял. Божественные откровения быстро расходятся. Из первых уст, так сказать.

Синие Холмы – опасное и очень странное место. Эдакий Мир Мёртвых глазами наркомана. Когда полосы тумана рассеиваются, у дороги встречается местная живность.

– Мне это кажется?! – восклицает Алекс.

– Нет, не кажется. – я понял, что он увидел. На проезжавшую машину Извозчика из любопытства вышла поглазеть супружеская пара кроликов. Ростом под два метра, на двух ногах; супруг одет во фрак и шляпу, жена в розовом платье и с зонтиком.

Кроликов, одетых, как аристократы, тут видят постоянно, и это вряд ли духи или галлюцинации. Опытные Извозчики рассказали, что в холмах у них огромная подземная цивилизация, и заняты они выращиванием гигантских морковок и защитой от Василисков. Эти крылатые гигантские змеи с гипнотическим взглядом – самые частые гости кроликов

в их уютных норах.

– С ума сойти! – Алекс совсем как ребёнок, увидевший слона в зоопарке, припал к стеклу. Всё-таки, хорошо, что мы везём души через Мир Мёртвых, делая своеобразную экскурсию по сказочной стране. Пассажиры отвлекаются от осознания того, что умерли. Мы проехали полосу едкого тумана, заполненного злыми духами, и, вот, он увидел повседневную жизнь Синих Холмов. Спотыкаясь и кряхтя что-то на своём кроличьем, ушастый зверь в потёртой кожанке бежал за деревом с корзинкой в руках. На испуганном и звавшем на помощь дереве мерцали огоньки спелых вишен. Видимо, их он хотел собрать, но деревце подло не хотело делиться своими плодами. – Это весь Мир тут такая страна чудес?

– Больше похоже на фэнтези, местами переходящее в фильм ужасов: полно тёмных уголков, где всякая зубастая всячина хочет тебя сожрать. Только, с этим местом что-то не так, будто его Льюис Кэрролл оформлял по своим фантазиям.

– Это заметно...

– Даже слишком. – приходится остановиться, потому что дорогу с омерзительным чавканьем переходит прыгучая стая больших грибов, удирающих, как могут, от двухметрового слизня. Вперёд на ножке выбегает большой грибок, оборачивается – ждёт, пока маленькие добегут, – и продолжает упрыгивать.

– Если в мире есть вещи, о которых я хотел бы забыть, –

Алекс сглатывает комок в горле, глядя на вакханалию, творившуюся вокруг, – то это бы входило в этот список...

То место, где плач и скрежет зубов. Самое дно пищевой цепочки, помойная яма, где свежее мясо грешника подвергается первым мукам и унижениям Ада. Здесь воняет дермом, здесь приходится разгребать завалы навоза, сыплющегося в эту яму из многочисленных конюшен и загонов со скотом.

Рядом день и ночь стучат киркой такие же бедолаги, как в помойной яме. Несмотря на более чистую работу, участь их не лучше. Как бы они ни старались, сколько бы вёдер пота с них ни сошло, сколько бы руды они ни выцарапали из земли, сверху всё равно обрушится толстая плеть, срывая кровавое мясо со спин несчастных. Плетки доставали везде. У краёв ям и мостиков через них всегда стояли демоны-надзиратели и не жалели ни сил, ни плоти новобранцев. Бесовское отродье толпами собиралось у ямы, ухмыляясь грязными зубами и швыряясь грязью и камнями. Унижения и оскорбления постоянно сыпались от уродливых звериных тварей, а на дне томились сотни и тысячи грешников.

Темнота, жара и жгучая боль были их ежесекундными спутниками. Мимолетными минутами радости были лишь те моменты, когда демоны с издёвкой швыряли им гнилое мясо и обглоданную рыбу. За каждый кусочек толпа в тесноте рвала и давила друг друга.

Мерзкий, вызывающий тошноту, смех сопровождал это месиво из голодных, доведённых до безумия душ. Кто-то опускал голову и становился просто руками с киркой, и продолжал монотонно выполнять грязную работу, кто-то в звериной ярости начинал грызть глотки своим товарищам по работе. Ну, а кто-то решался на самый отважный поступок: обречённо, но зло, до крови царапая отвесные стены ямы, лезть наверх, чтобы разворотить эти немые хари, чтобы их улыбка раскрошилась их зубами по камням, чтобы их звериные носы треснули, выпуская алые струи.

Месяцами из этого ничего не получалось, и безумцы, прыгающие на стену, лишь обречённо рушились обратно, больно разбиваясь либо о камни, либо о черепа своих товарищей. Но, однажды, когда их отчаянные попытки запрыгнуть становились посмешищем даже для сожителей по яме, находились те, кто, стирая до костей свои пальцы, забирался наверх и голыми руками ломал лица вооружённым звероподобным демонам.

Для рабов, томившихся в яме, они становились равными богам, идолами, героями, и следом за одним вожаком вся яма бросала кирки и лопаты и единым человеческим столбом рвалась наверх. Вырвавшихся и не оставивших надежду наверху ждала долгая расплата с демонами, что всё это время дразнили и издевались над ними. Долгая и сладкая битва, долгожданное отмщение, после которого они с довольными лицами впервые за столько месяцев или лет валились

без чувств на землю с искренними улыбками на лице.

Наутро они просыпались от подобия сна, но понимали, что их путь ещё не закончился: новые и новые испытания на ярость и жесткость стояли перед ними, им приходилось терпеть лишения, голод, дисциплинировать себя и выживать, проходя через семь кругов Ада по пути на Алую Горю.

Именно там, у её подножья, где свирепствуют огненные ветра и гремят бронёй драконы, в пылающее небо возвышаются исполинские рога Сатаны.

Тысячи, миллионы обозлённых, но радостных пройденному пути душ, познавших, что в этом мире правит лишь насилие и ужас, становятся на одно колено пред Ним. Кольцо из великанов – послушников, чьи лица скрыты капюшонами, извергает пламя, а души присягнувших, издав последний вопль, обретают свои конечные воплощения. Зверь сидит в каждом из нас, и, пройдя семь кругов зверства, ужаса и боли, он свободно вырывается наружу. Именно он и становится истинным обликом новоиспечённого демона.

Они знали это... Те несколько пока что человек, рассортированных по ямам. Лениво стуча киркой или лопатой, они просто ждали своего момента. Долгий и утомительный путь демона не для них, а невероятная сила, которую им дал Учитель, способна выпустить их из самой глубокой ямы и разорвать на куски любую адскую армию. Нужно только дожждаться сигнала...

Камешки выстреливали из-под колёс, словно пули, когда я дрейфовал в узком витиеватом коридоре между двумя отвесными скалами. На спидометре под триста километров в час, Алекс изо всех сил вцепился в дверь машины. Да, без привычки даже смельчакам тяжело со мной ездить.

– Вам водительские права вообще выдают? – выдохнул Алекс, когда мы выехали из ущелья. – Ад курортом покажется после твоего вождения.

– Ну-ну. – усмехнулся я. – Ты ещё не видел Ада.

– Как думаешь, у меня велика вероятность попасть туда?

– Не, пролистал твоё досье: ты паинька, в Бога веруешь, в церковь даже ходил, делами праведными занимался, ты даже в Слуги Смерти не годишься.

– Ну, мало ли там. По молодости косяков много было...

– Забей, смотрят на карму, а у тебя даже невооруженным взглядом видно, что она положительная. На крайняк Информационщиком в Слуги Смерти попадешь, но это вряд ли.

Мы проезжали Долину Бешеного Камня. Слева и справа от тропы безжизненный инопланетный пейзаж. Серые отвесные скалы, чьи верхушки словно мечи погребённых по пояс воинов устремлены в небо. У их подножья россыпью валяется множество булыжников самых разных габаритов: от мелких камешков до валунов размером с дом.

– А, как становятся такими, как ты? Ну... Слугами Смерти?

– Ну, смотри. В мире есть условно добро и зло. Негатив-

ная и положительная энергия. Те или иные поступки и мысли автоматически отражаются на энергетике нашей души. В ком-то больше хорошего, в ком-то больше дерьма, а у кого-то это значение примерно равноценно – их и отправляют в Слуги.

– То есть, просто обыватели? Безучастные зрители в театре жизни?

– Именно так. Обычные эгоисты и конформисты, которых всё устраивает. Серая обывательская биомасса.

– Уж больно спокойно ты говоришь об этом. Видно, не считаешь себя таковым.

– Ну, видимо, я просто был самодостаточным, и мне в жизни ни к чему были перегибы ни в сторону благотворительности и человеколюбия, ни в сторону злобы на весь мир. Зарабатывал много, помню, имел силу, влияние, признание – чего ещё желать?

– Ну, в жизни же какая-то цель должна быть, идея...

– А, зачем? Человек без общества ничто, и все его высшие цели, жертвы, идеалы нужны для признания его обществом. Эти все его стремления достичь славы, успеха, мастерства – фикция. Лишь гипертрофированный животный инстинкт занять высшую ступень в иерархии.

– Вот, тебя твоя философия и привела за баранку, а не в Рай, к нашему Господу!

– Ну, я бы на твоём месте так не радовался Раю. Тебя там ждут не реки вина с голыми бабами, а жизнь от битвы до бит-

вы с демонами.

– Это прекрасно! Путь война по мне, и провести вечность в праведной борьбе со злом почётно!

– Господи, мне даже жалко таких наивных, как ты.

– Что не так?! – Алекс вспыхнул. Видимо, его религиозность задевалась словами какого-то бледного порождения мрака, чьё назначение – вечно быть обслуживающим персоналом.

– Ваше мочилово с демонами вечно и тысячи лет не приносит победы ни тем, ни другим. Единственная его цель – поддержание какого-то баланса сил на Земле. И всё. Никакой поэтичной войны добра со злом, никакой высшей цели, никакой тебе идеи – ты просто будешь винтиком, который обеспечивает работу механизма войны. – Алекс пытается что-то сказать, но не может вставить и слова в ледяную стену моей речи. – Правда, толку от этого знания ноль. Когда ты прибудешь в Рай, забудешь всё, о чём я тебе говорил, и начисто потеряешь здравый смысл. Вам, как и демонам, промывают мозги. Да, так качественно, что больше всего на свете вы будете жаждать порвать друг другу глотки в Зоне Войны. У меня всё.

Алекс помрачнел и замолчал. Я явно сказал ему то, что не положено говорить пассажирам. Нам, Слугам Смерти, которые бывают и в Аду, и в Раю, и в Мире Живых, понимать подлинное устройства Мира Мёртвых намного проще.

– Так и должно быть? – он резко оживился, обеспокоенно

показывая вперёд.

– Нет. – я крепко стиснул руль и стал рыскать взглядом в поисках укрытия.

Мы проехали достаточную часть долины, чтобы путь назад был отрезан. Уповать придётся только на ровную грозную скалу, что сбоку от нас подпирала облако своей высотой. Я резко рву к ней, машину трясет, как самолёт в урагане, камни как из пулемёта стреляют из-под колёс.

– Это совсем не нормально.

Всегда же было на два часа позже! Почему сегодня раньше?

Небо стремительно охватывает гнетущая чернота, облака рассекают ослепительные россыпи молний, под раскаты грома с мрачного озлобленного неба один за другим спускались смерчи. Они с легкостью отрывали от земли все валуны, что лежали на их пути, и с каждым камнем становились всё больше, всё быстрее. Некоторые камни словно снаряды вылетали из них и с грохотом пронзали землю вблизи нас.

– Поэтому это называют Долиной Бешеного Камня?! – вскрикнул Алекс, когда крупный валун так засадил в стекло с его стороны, что оно покрылось паутиной трещин.

– Если бы...

Вихри, ставшие серыми от камней, словно насытившись, рассеялись, оставив от себя нагромождения из валунов. Всего на секунду. Грохот, похожий на взрыв, поднял глыбы вверх, и каждая каменная кучка стала собираться в громад-

ную уродливую фигуру.

– АГХР-Р-Р-Р-Р-Р-Р-Р-Р-Р! – завопила гигантская статуя из камней, обрушив на нас дубину.

Я резко газанул, уходя от удара, и разлетевшееся оружие ударило по кузову кучей булыжников. Справа и слева из камней вырастали новые и новые монстры: с длинными шеями, рогатыми головами, панцирями и длинными зубастыми лапами. словно закованные в доспехи динозавры с телом человека.

Вскоре они забыли о нас и начали швыряться скалами друг в друга. Вековой валун размером с небольшой коттедж влетел в грудь нашего обидчика, разложив его по камешкам. Другой гигант, что-то гортанно проорав, срубил метателю длинную шею точным ударом меча.

Камень вопил, и, собираясь в новых и новых монстров, крушил друг друга, чтобы рассыпаться... и собраться вновь! Он летел направо и налево, покрывая машину вмятинами, монстры, слепленные из него, становились все более свирепыми, всё отчаянней гремели, разнося морды своих товарищей на куски.

Уже с трудом проезжаю под ногами многочисленных исполинов, прежде чем выхожу на ровный склон, ведущий в отверстие в скале.

– Мы переждём Каменную Бурю здесь. – сообщаю я пассажиру, когда, словно мышка юркаю в темноту.

Позади гремела битва: под раскаты грома кошмарные ги-

ганты собирались из камня снова и снова, чтобы разлететься на булыжники, но мы уже были в безопасности. За зрелищем теперь можно наблюдать как зритель.

Что и делал пассажир.

Я же осматривал машину. Даже выходить из салона не нужно, чтобы понять, как её покоцало: везде мелкие вмятины, царапины и трещины на стёклах. Если бы не магическая защита, то нас бы расплющило на первых секундах Бури. А, если бы у меня были эмоции, то расплакался бы от того, как попортился внешний вид чёрного красавца. Ничего, в Городе Суда подлатают.

– Это... Тоже злые духи? – устав удивляться, поинтересовался Александр, поглядывая в заднее стекло на сражавшихся великанов.

– Почти. Задолго до того, как на этой планете обосновался Мир Мёртвых, в нём царствовали Титаны. Расы Северных и Южных перебили друг друга в жестоком сражении при Дахарском хребте. Прошли десятки, а, может, и сотни тысяч лет, но их души по-прежнему раз в день собираются здесь, чтобы сражаться снова. Сегодня они решили это сделать на два часа раньше обычного.

– А, ты всегда переживаешь Бурю в этой скале?

– Это не совсем скала. Выйди, посмотри. Время есть, всё равно эти уроды ещё долго рубиться будут.

Алекс внимательно осматривает тёмную пещеру, в которой мы оказались. В её очертаниях он очень скоро угадывает

обвалившиеся своды, колонны и...

– Это, что, шкаф с книгами? – способность удивляться вновь вернулась к нему. Он с горящими глазами смотрел на стеллаж с книгами высотой с небоскрёб и корешками рукописей с пятиэтажку. Золотые символы на них по сей день продолжали мерцать во тьме. – Это Книги Титанов? Здесь собраны все знания об их цивилизации?

– Не все, но довольно внушительная часть точно. – шкафы с книгами стояли бесконечным рядом, уходившим далеко во тьму.

– Интересно было бы их почитать...

– Согласен, но Титаны были настолько могущественные, что их магия жива по сей день. Их книги не смогли открыть и расшифровать целые бригады эльфийских магов, а мы с тобой и подавно... Поговаривают, что именно Титаны стали основоположниками магии в этом мире. Правда, погибли тупо. У них было всё: и магия, и наука, и технологии, а поубивали друг друга в простой мясорубке.

– А, другие существа, что, здесь живут? Эльфы, гномы, тролли – это наследники Титанов или результат божественного замысла?

– Мы все результат божественного замысла, но, в данном случае, они банально плод местной эволюции. По крайней мере, я так понял, не претендую на истину. Когда-то здесь тоже выросло что-то типа примата, и из него вышло нечто человекоподобное. Поскольку магией здесь дышит каждый

кустик, то под её воздействием эволюционировали живые существа по-разному: кто прекрасным эльфом, кто уродливым жирным троллем.

– А кентавры там, пегасы – они есть?

– Да, они чисто результат магической селекции. На заре времён какие-то первые маги решали выращивать суперсолдат, скрещивая представителей разных семейств. За достоверность не ручаюсь, но, мне кажется, всё именно так.

– У вашего мира есть история? Почитать где можно?

– Узнаю её обрывками от разных источников, если бы была централизованная библиотека...

– Я обязательно поищу после Суда такую! Все знания должны быть где-то сосредоточены в одном месте!

Я смотрел на эти горящие глаза, на этот энтузиазм Алекса с чувством какой-то неполноценности в душе. Если бы у меня были свои эмоции – это можно было смело назвать завистью. Он умер совсем недавно, и в нём ещё кипела жизнь во всех её проявлениях, с её чувствами, желаниями и устремлениями. Я же вместе с биением сердца и умением дышать уже давно забыл и всё это.

Чтобы хоть как-то разделить его восторг, достаю соответствующую таблетку и незаметно проглатываю. Всё вокруг сразу становится таким потрясающим и вдохновляющим! Битва камней заставляет меня засмотреться на то, как грозные великаны под раскаты грома и вихри продолжают свою извечную борьбу, цветов становится больше, и каждый

сантиметр полуразрушенного заброшенного Дворца Титанов вызывает неподдельное восхищение их архитектурным гением. А мы кажемся насекомыми, забежавшими летним вечером в богатый дом.

– Скажи мне, Извозчик... – Алекс уставился куда-то позади меня. Его глаза заполняла решимость, а руки сжимались.

– Что?

– Это здесь тоже в порядке вещей? – он невольно сделал шагок назад, когда тень чего-то большого закрыла его.

– Всё в порядке, он друг, тебе нечего бояться. – я не оборачивался, понимая, про кого он.

– Т-ты уверен? – в его взгляде был испуг, который он изо всех сил старался задавить решимостью. Похоже, он не знал, бояться ему или нет. С одной стороны, я говорю, что всё в порядке, а, с другой стороны, сзади меня такое страшилище, что слова не очень-то убедительны.

– Пригнись! – вскрикнул он. Отработанная ещё при жизни реакция как-то передалась моей душе, и я живо прильнул к земле.

В сантиметре от головы пролетело... Колесо моей машины!

– Эй! Отдай! Отдай сюда! – я вскочил и, бессмысленно размахивая руками, побежал за ожившей пятиэтажкой. Именно такой оно было высоты.

Лысая каменная детина с кривыми ногами, толстенными щеками и совершенно дебильным взглядом горящих жёлтых

глаз топала по залу, издавая пердящие звуки, возила мое авто по воздуху, как это делают дети, в чьих руках оказывается игрушечная машинка. Каменная горилла всё дальше уноси-лась с моей тачкой, пока я жалко отставал от неё. Я совсем забыл, что здесь живёт не один каменный выродок, а целое семейство.

Спасение пришло от его главы. Буквально из стены, оставив её форму неизменной, как призрак, выбежал ещё один серый великан. Он был словно скульптура, высеченная из утёса – с идеальным мускулистым телом, прожекторами жёлтых глаз и зарослями плюща вместо волос и бороды. Низ живота прикрывала тряпка из какого-то пожелтевшего рваного паруса. Но, самое главное – бородач был вдвое больше лысого ребенка.

Завидев его, детина испуганно вытаращил глаза и уже собирался швырнуть мою машину, но злое гарканье великана заставило его осторожно положить транспорт на пол и, слёзно что-то проорав, скрыться в стене.

Я метнулся к уцелевшей машине поскорее. Знал повадки новых хозяев заброшенного Дворца – им нужно поскорее показать, что ты явился не с пустыми руками.

– ГЫРМ! ТУДУР! – великан с грохотом ударил себя кулаком в грудь. Он уже в который раз так представляется. Судя по всему, он не запоминает, как выглядят одетые в чёрное лилипуты, оказавшиеся в его владениях, и всякий раз представляется заново.

– Здарова, Тудур! – максимально громко выкрикиваю ему, открывая багажник и копаясь в куче оружия. Где же это дерьмо? – Сейчас всё будет!

Великана тяжело переубедить. Громовая поступь каменных стоп, под которыми бы уместился небольшой гараж моих машин, стремительно неслась ко мне. Конечно, не слепленный из камней призрак Титанов (они были больше раза в четыре), но сокрушить этого гиганта тупо было нечем.

– Вот, смотри! – я, все ещё под эмоцией восторга, восхищённо достал сверкающий золотой кубок с драгоценными камнями (сташил из Ада) и протянул Тудуру.

Тот замер передо мной, оценивающим взглядом своих прожекторов оценил подарок, двумя скалами пальцев, чуть не оторвав мне руку, взял его, поднёс к глазам, оценил «бусинку» кубка и швырнул в кучу позади себя.

Там была целая сокровищница из блестящего хлама, среди которого были разные золотые изделия, оружия, громадные осколки камней, крупные драгоценности, обломки кораблей, колесниц, и свалка помятых машин Извозчиков. От всей этой кучи исходило убийственное зловоние. Судя по торчащим скелетам, трупы тоже пополняли коллекцию. Эти великаны – мусорщики похлеще драконов, те-то только золото тащат.

– ЗАГР! – зубы гиганта злобно сверкнули из-под растительной бороды. Он требовал ещё.

– Вот, возьми. – в багажнике валялся ещё посох како-

го-то ангельского паладина, который тот оставил на входе в Рай, думая, что его там никто не сопрёт. Тудур схватил его меж двумя пальцами как спичку, поднёс к лицу, прищурился и швырнул в кучу.

– ГЗУМ! – одобрительно кивнул он и уже собирался спокойно уйти в стену, как крик за моей спиной остановил его.

– Артур, помоги! – кричал Алекс, пятясь назад от гигантского краба. Он щёлкал перед ним своими белыми клешнями, которые с лёгкостью могли перекусить человеческое тело пополам.

Тудур, нахмурившись, метнулся к стычке, легко схватил краба и отправил себе в рот. С треском он сожрал каменное членистоногое, а его чудовищная лапка, что чуть не поделила Алекса на две части, дергаясь, упала перед ним. Довольный трапезой, великан зевнул и слился со стеной.

– Похоже, не все Титаны вымерли. – оправившись от шока, воскликнул Алекс, едва я оказался рядом. – Как видишь, эти ещё на ходу.

– Глянь на улицу и посмотри, каких размеров их духи. Небоскрёбы. А это всего лишь домовые Титанов.

– Домовые?

– Да, сила Титанов была чудовищна, и всё, что их окружало, тоже. Хозяева умерли, но их слуги по-прежнему охраняют их дом и позволяют здесь остаться лишь тому гостю, кто принёс дар хозяину. Как я сейчас, отдав ему пару сверкающих вещей.

– А, они в курсе, что хозяйева давно мертвы?

– Они даже не знают, что те когда-то были, а жилище охраняют инстинктивно. Титаны вымерли так давно, что здесь сменилось несколько поколений домовых. А живут они по десятку тысяч лет.

– Наверное, этому дворцу не меньше сотни тысяч.

– Возможно.

Раз уж хозяйева Дворца дали мне разрешение быть здесь гостем, а не экспонатом в их весьма сомнительной «коллекции», я решил свозить Алекса на небольшую экскурсию по месту жительства тысяч вымерших Титанов.

Я понимал, что ему нужна разрядка. Когда у тебя нет своих эмоций, чужие выглядят очень натурально, и, хотя Алекс, осознавая безысходность своего положения, пытался отвлечься на причуды его нового мира, было видно, как его пугает Страшный Суд, неизвестность будущего, страх за тех, кто остался в Мире Живых, и бремя незаконченного дела. Небольшая экскурсия должна отвлечь его от этих мыслей.

Я вёз его по Дворцу, показывал на чудом уцелевшие фрески и отлепившиеся мозаики, изображавшие величественных существ, похожих на помесь людей и динозавров, заросшие ржавчиной чудовищные столбы оружия и полуразрушенные скульптуры. Я мало что знал о Титанах, но с видом деловитого экскурсовода сочинял имена для бюстов их деятелей и на ходу придумывал истории о них. Не знаю, зачем я это делал. Возможно, во мне осталось что-то, похожее на сочув-

ствие. Либо я сам испытывал то же, что и он, только очутившись в Мире Мёртвых.

Если бы вспомнить это. Если бы вспомнить...

– Если я всё-таки попаду в Рай, то Бог должен будет услышать меня и восстановить справедливость, – всё равно вслух рассуждал Алекс. – Дуков не должен уйти безнаказанным, а людей, которых он мучает, надо спасти.

«Нервы» Алекса были железными, поэтому он не истерил о том, как хочет домой, как рано его забрали из Мира Живых, и как много вещей ему надо исправить, а лишь рассуждал, как он будет просить Бога наладить справедливость. В действительности никто её налаживать не будет, а божественного вмешательства я ни разу не видел – только войну ангелов-хранителей и Киллеров.

– Дружище, это, конечно, жёстко с моей стороны, но я бы на твоём месте не питал иллюзий.

– О чем ты?

– У какого именно бога ты собираешься искать справедливости?

– А разве он не един?

– Создатель, Абсолютный Разум, един, но с ним взаимодействуют только Высшие сущности. Такие, как Смерть или Жизнь, например. Вслед за ними по иерархии следуют боги миров, как тот бородатый громовержец, что заведует Раем, он же Бог нашей Земли – имя ему Яхфа, – дальше идут боги, которые привязаны к определённым этносам и опреде-

лённым стихиям. У нас, Извозчиков, это боги Смерти: они исполняют роль кураторов Слуг. У меня, поскольку я русский – это славянская богиня Мара. Так, у кого будем справедливости просить?

– Ну... У Яхфы, наверное. – Алекс смутился, для него загробная жизнь была устроена предельно просто: добро (Бог, Рай, ангелы) и зло (Дьявол, Ад, черти).

Ни религия, ни литература не подготовили его к таким сложностям в лице Слуг Смерти, агрессивного фэнтезийного Мира Мёртвых, где до Страшного Суда нужно ещё добраться, и целой иерархической лестнице богов.

Атеисту в этом плане проще. Мне, как откинул копыта, лишь пришлось осознать, что жизнь после смерти есть и принимает весьма причудливое содержание. Ничего не надо было пересматривать.

– А ему нужно, чтобы ты поскорее забыл свою прошлую жизнь и с упоением пошёл крошить черепа демонам. Плевать они хотели на справедливость в Мире Живых. Если бы ангелы действительно боролись за мир во всём мире, а демоны старались разрушить его, всё было бы намного проще...

Каменная буря заканчивается, и мы подъезжаем к выходу. Алекс взглядом прощается с брошенным Дворцом Титанов, где все ещё кипит своеобразная жизнь: беззаботно бегают из стены в стену исполины каменных детин, а между шкафов на ржавых нитях паутины шипит и барахтается мохнатый человек – мотылёк, залетевший сюда с Синих Холмов.

Его громадные чёрные крылья намертво прилипли к нитям, а волосатые человеческие руки беспомощно тянутся к машине. Его не спасти. Белый каменный паук размером с микроавтобус уже мчится к нему. Слева остаётся тёмная лестница, ведущая на верхние этажи Дворца. Чтобы попасть туда, нужен либо вертолёт, либо альпинистское снаряжение.

Мы никогда не узнаем, что там...

ГЛАВА 6

Городу тысячи лет. С незапамятных времён он, словно старый пёс, задремавший на камне, развалился по всей площади этого высокого ровного плато, что широким монолитом вырастает из морской пучины. Злые тёмные волны внизу силятся достать до него, а грозные тучи вечно стоят над башнями Города, гневно швыряясь в него молниями.

В мрачное небо, словно мечи воинов, восставших из могил, вонзаются чёрные шпили его небоскрёбов. Под их тенью неспеша бредут души, закутанные в траурные наряды. Их бледные лица практически сливаются с серым асфальтом под ногами, а в миллионах глас лишь холодная пустота. Со всем как в слепых окнах окружающих домов.

Среди однотипных куч небоскрёбов, скучных, шаблонных улиц и широкоплечих крепостей на окраине, пронзает хмурым небосвод самая высокая башня.

Здание Суда. Именно эта необъятная громадина с четырьмя ярусами становится чертой в жизни каждого человека. Финальной чертой, после которого его человеческое существование прерывается навсегда, и он становится либо огненным воплощением ярости, либо грозным крылатым воплощением добра. Или же серой тенью, что населяет этот Город, выросший вокруг Башни.

Она вырастает из самого центра плато. Её нижний, самый

широкий квадрат, словно объят пожаром: тысячи окон горят адским пламенем. Здесь сидят Обвинители – те, кто помнят всё, те, кто шепчут Фемиде обо всех грехах, что когда-то совершил человек, представший на Суде, те, кто делают всё для того, чтобы твоя душа опустилась в Ад.

Выше чуть более тонкий ярус здания, окружённый скульптурами в виде рогатых зубастых созданий. Его окна сияют ослепительно белым, режущим глаза, как первый взгляд на мир новорождённого младенца.

Здесь проходит Страшный Суд. Здесь богиня справедливости Фемида вечно стоит с Весами Правосудия, верша тысячи судеб в день. На одной чаше сердце Смерти, на другую ложится сердце человека. Смерть равна для всех, она не добро и не зло, и если человек грешен и зол, то чаша с его сердцем опустится вниз, а его душу ждёт пламя. Добро выше равнодушия, и если сердце Смерти опустится вниз, то умершего ждёт Рай. Его сердце возвысится на весах, и вместе с ним и его душа.

Но ни одна лишь карма влияет на положение чаш на Весам Правосудия. За каждую душу между Обвинителями в лице демонов и Адвокатами в лице ангелов идёт настоящая борьба.

Они наперебой кричат Фемиде о прегрешениях человека или же о его заслугах, и под их пламенные речи чаша весь процесс Суда покачивается то вверх, то вниз. Иногда Адвокатам так удаётся заболтать Фемиду, что даже опускающая-

ся к залитому кровью полу Зала Суда чаша может резко подпрыгнуть вверх, и вот уже грешник становится ангелом. И наоборот – человеку, чьё сердце тянулось ввысь, Обвинители могут припомнить такие подлости и низости, что сердце Смерти резко подпрыгнет на Весах, а грешника опустится.

Впрочем, демоны чаще борются за душу, чем ангелы. Последние хотят видеть в своих рядах достойных и милосердных людей. В отличии от демонов, пушечное мясо и расходный материал им не нужен. Если человек оступился на своём жизненном пути, но до этого поступал достойно или героически, ангелы были готовы ему помочь. Гордые адвокаты сидели в ещё более тонком уровне здания над сектором Страшного Суда, их окна сияли голубым, словно за ними раскинулся небосвод в ясный летний день.

В самом верхнем и самом тонком секторе жили Присяжные, Боги Смерти. Те, к чьему мнению на Суде Фемида прислушивалась особенно тщательно. С ними же за мерцающими зелёными окнами был цех трёх сестёр Мойр. Здесь они тянули нити судьбы каждого человека, записывали все его поступки и события, пока они тянутся, и обрезали их ножницами. Данные по каждой жизни попадали вниз, к Адвокатам и Обвинителям.

На верхушке здания, прямо под шпилем в виде скелета, сжимающего косу, восседала сама Смерть. Вернее, Господин Смерть. Это был мужчина, генеральный директор этого большого концерна Города Суда. В его кабинете не было ни

компьютеров, ни бумаг, а вся информация шла к нему через слуг или прямиком в его голову.

Поэтому он, чуть прищурившись, обрабатывал её, равнодушно смотря в окно, на чёрный город, где муравьями сновала миллионная армия его Слуг.

Он был в нескольких километрах от нас. Сквозь туманную дымку над Тёмным Морем чёрные обелиски небоскрёбов уже отчётливо видны даже на фоне пасмурного неба. Из-за серых гор к перекрёстку, где две широкие трассы на Ад и Рай соединялись воедино, выползала моя машина.

Сверкающие чистые машинки других Извозчиков торопливо заворачивали на мост в Город Суда, и откуда-то с бездорожья в их поток влилась побитая, помятая и перепачканная в пыли БМВ.

До плато Города Суда отделял каменный мост в несколько километров, украшенный арками с жуткими статуями. Они двигались, холодно зазывая в самое мрачное место на планете. Из города и в Город непрерывным потоком мчались черные седаны, автобусы и даже грузовики, где в кучу были сброшены души, которые везли в Ад. Дорога Извозчиков.

С каждым километром ожившие статуи на арках становились всё мрачнее, всё ужасней. И если у въезда Извозчика встречали просто убитые горем люди в траурных одеждах и с такими же лицами, то дальше на них становилось всё меньше плоти, всё меньше человеческих очертаний. Перед

воротами в Город на арках уже размахивали косами чёрные скелеты со звериными черепами на месте голов.

Алекс помрачнел ещё больше. Под серым небом и в окружении одинаковых надгробий домов, из которых словно выпили весь цвет, других чувств не возникает.

Унылый городской пейзаж разбавляют лишь несколько магазинов с тусклыми витринами, которые принимают одетых в чёрное посетителей. По улицам равнодушные прохожие идут, смотря сквозь друг друга невидящим взором. Словно сотканные из тьмы автомобили снуют туда-сюда от центра города, от Здания Суда. Чуть выше небоскрёбов едва покачиваются чёрные цилиндры дирижаблей.

– Это Слуги? – холодно спрашивает пассажир, указывая на прохожих.

– Именно так.

– Вас так много?

– Меньше, чем кажется. Очень редко на Весах Правосудия сердце человека встаёт посередине. Здесь существуют Слуги со всех времён, поэтому их так много.

Здание Суда – четыре вытянутых кубика друг на друге, упиралось в небо. Нигде на Земле нет такого высокого дома: он словно гора, чья вершина окутана облаками.

Въезжающие в Город машины стремятся на подземную стоянку под Зданием, в общем потоке туда проскальзывают и я. Общий вид паркинга – бескрайняя тёмная пещера с отполированными стенами, по которым скользит что-то вроде

рисунков неандертальцев; освещения, кроме факелов с зелёным пламенем, нет.

К машинам спешно подходят верзилы ростом далеко за два метра и вдвое шире любого мужчины в плечах, их головы покрыты чёрными капюшонами, а вместо лиц железные оскалившиеся черепа. С шипастых кожаных ремней свисают нагайки и плети.

Это Надзиратели. Те, кто отвечают за приём, выдачу и охрану душ.

Алекс похолодел и напрягся, когда я поставил машину на свободное место.

– Не волнуйся, это всё маскарад, Суд не такой Страшный, как кажется. – я счёл нужным успокоить пассажира. – А в Раю ты ещё успеешь отдохнуть от жизни, и от Суда тоже.

– Ты уверен, что меня ждет Рай?

– Уверен. – твёрдо заявил я. – За тобой пришли.

Громила грозным и уверенным шагом приближался к правой двери машины, где сидел Алекс.

– Ещё увидимся? – зачем-то уточнил он.

– Нет. – я напоследок пожал его руку. – Уже никогда. С тобой было интересно пообщаться.

– И с тобой! Надеюсь, что у тебя есть какие-то мечты, и ты их осуществишь даже несмотря на то, что обречён вечно возить души!

– Обязательно. – дверь распахнулась, громадная ручища Надзирателя обхватило предплечье Алекса и с силой пово-

локла его за собой, в темноту.

Алекс был хорошим и интересным пассажиром, вопросы задавал по делу, не паниковал и не пытался сбежать. Побольше бы таких, с ними приятней работать. Но я не буду его вспоминать.

Ни к Алексу, ни к другим пассажирам я никогда не привязывался: они всего лишь часть моей работы, вещи, груз, который я должен доставить. Впрочем, после некоторых оставался небольшой осадок. После Алекса осталась его последняя фраза про мечты.

Мечта... Ха. Ха. Ха. Какая может быть мечта в Мире, где ты живешь вечно от дозы до дозы эмоций, как последний наркоман? Какая может быть мечта там, где ты не станешь богатым, потому что здесь нет бизнеса? Чемпионом, когда здесь даже нет спорта? Известным, когда тут нет телевизора? Счастливым, когда твоё счастье расфасовано в таблетках, и ты получаешь его за свою работу? К чему стремиться?

Ответ очевиден. Ни к чему. Здесь нет и не может быть мечты, целей и идеалов, а все эти ценности работают только там, где их придумали. В Мире Живых.

Грязный и помятый БМВ покидает паркинг Здания Суда.

ГЛАВА 7

Еженедельно, ровно в 7 утра, на въезде в каждый квартал Города Суда стоит какой-нибудь молодой парнишка в неприемной одежде с кислым лицом и без особой живости раздаёт свежие газеты.

В руки ещё не разучившихся читать мертвецов попадает свежий выпуск DeathDaily, издания с 500-летней историей. В каждом квартале в зависимости от языковой принадлежности Слуги Смерти раздавали её на разных языках. С помощью магических ухищрений Смерти его Слуг научили общаться на одном языке, а вот читать нет.

В сегодняшнем выпуске помимо никому не нужного городского, квалификации существ, живущих за пределами Города, и предупреждений для Извозчиков, какие маршруты особо опасные, на развороте красуется большой материал о железной дороге, новом проекте Смерти:

«Поезд Смерти готов к перевозкам

Как сообщила пресс-служба Господина Смерти, шумевший проект Поезда завершен на 90%, и в следующее воскресенье Поезд уже отправится в свою первую поездку.

Напомним, что самый вместительный транспорт для

перевозки душ начал создаваться ещё в 1950 году. Для его проектирования подключили лучших инженеров Города Суда, а дорогу в сторону Ада и Рая строили усилиями 5,5 миллионов ангелов и демонов.

Поезд называется Десятник, так как за раз способен перевезти десять тысяч душ в десяти вагонах по десять этажей в каждом. Движение Поезду обеспечивают пять мощнейших энергетических котлов, мощность которых эквивалентна ведущим атомным реакторам Мира Живых, а корпус покрывают пять слоёв заколдованного металла, добытых с горы Спящий Демон в Долине Бешеного Камня.

– Создание «Десятника» – это прорыв в транспортной индустрии Города Суда, – заявил корреспонденту DD Господин Смерть. – Он практически не уступает в скорости стандартному автомобилю Извозчика, и в среднем способен перевести в 10 000 раз больше душ. Внедрение подобных транспортных средств в наш Город в разы упростит систему логистики и снизит очереди на перевозку в Здание Суда. Впрочем, новая колесная громада не вытеснит водителей за пределы конкуренции.

Господин Смерть отметил, что приоритет в доставке душ из Мира Живых в Мир Мёртвых по-прежнему будет за Извозчиками. Если Поезд покажет себя успешно, то через двадцать лет по Железной дороге начнёт курсировать второй. В свою очередь, первый поезд будет доставлять души только в Ад, а новый только в Рай.

Также Господин Смерть поделился и более глобальными планами на транспортный сектор Города:

– Независимо от того, куда попадёт человек: в Рай или Ад, его последний путь должен быть быстрым, комфортным и безопасным. И в этом Мир Мёртвых не должен отставать от наших молодых, ещё живых коллег на планете Земля. Следующим глобальным шагом в доставке душ мы планируем авиацию. Действительно, Городу Суда нужны аэропорты, а умершие люди заслуживают, чтобы их душа взмыла ввысь, прежде чем найти вечное пристанище.»

Последний священник умершего, то есть я, ехал к своему дому. Почему последний священник? Именно мне, Извозчику, исповедуется перед Судом очередная несчастная душонка. В моей машине и плакали, и жалели о прошлом, и раскаивались, и просили прощения у всего мира, и молились, и рассказывали зачастую унылые и однотипные истории своих жалких жизней.

Я слушал и машинально утешал их, лишь бы их раскаяние не отвлекало меня от дороги. Что ж их так разбирает на чувства, когда их уже везут на плаху? Чего это при жизни мыслей раскаяться и остановить свои грязные деяния не возникало? Или, быть может, все они, в большинстве своём верующие, отчего-то думали, что возмездие обойдёт их стороной? Хо-хо. Как наивно.

Помнится, когда я ехал на Страшный Суд, был предста-

вителем моей любимой категории пассажиров. Молчуном. Обожаю таких попутчиков: с ними проще всего работать, и они редко подвержены побегу. Чаще всего они просто сидят в депрессии, временами отвлекаясь на каких-то чудищ.

На дисплее бортового компьютера надпись от Мораны. «Умница, Артур! Норму выполнил вдвое быстрее!» Спасибо, конечно, но похвалу на хлеб не намажешь – вернее, в табличку не положишь.

Тут же сообщение заменяется на состояние счёта. Цифры разбегаются до 29 оболлов. Ничего так накапало!

Оболы – это монеты, которыми платили за доставку душ самому первому Извозчику – Харону, что через мёртвую реку Стикс перевозил на тот свет первые людские души. Тогда ещё не был построен ни Ад, ни Рай, и первые чёрные ангелы просто хаотично раскидывали души в мёртвые водоёмы этого Мира. Уже оттуда Харон перевозил их в Тёмное море и сбрасывал в пещеры плато.

Так эти душонки стали первыми обитателями нынешнего Города Суда. Позже их оттуда расфасовали по Аду и Раю в зависимости от их характера и поступков.

Долгое время плато было неким перевалочным пунктом для душ, а затем для удобства был введён Страшный Суд, который осуществлял большую работу по распределению душ на хороших и плохих. Средним душам тоже нашлось место: в Слуги Смерти стали попадать не просто материальные воплощения воли Господина Смерть (такие, как Киллеры),

а уже бывшие люди.

Времена Харона забыты, в Мире Мёртвых воцарилась новая жизнь с новыми законами, но традиция осталась. За привезённые души Извозчикам всё также платят оболами.

Он тенью скользил вдоль обожжённых скал Ада к ямам своих подопечных.

Демоны, кидающие в них грязью и камнями, не видели, как он подошёл к яме совсем вплотную. Он был неосязаем и невидим. Только его ученики подняли взоры, едва их Учитель возник наверху.

Он опустил на одно колено и чуть опустил голову, покрытую капюшоном.

– Время пришло, – чуть слышно прохрипел Он, но для Его учеников эти слова громом раздались в душае. Глаза начинающих демонов загорелись золотистым, ярким и нестерпимым, словно солнечный свет, пламенем.

– Да, Учитель. – в унисон прогремели они, чувствуя, как невероятная, неведомая никому ранее сила, теплом разливаётся по их душам, делая их тела несокрушимыми.

– А-а-а-а-а! – испуганно взвизгивают черти, бросавшие в них камни, когда золотые фигуры взлетают со дна и начинают методично разрывать их по кусочкам.

В один миг они оказываются наверху и собираются в большой, сияющий, словно брызги солнца, золотой отряд.

– Спасибо, Учитель! – с выражением вселенского счастья

благодарят они и в следующую секунду рвутся в бой.

Весь Ад в недоумении поднимает все свои войска. Что-то не так. Не пройдя всех испытаний, к выходу рвутся пятьдесят новобранцев, которых совсем недавно привезли со Страшного Суда. Вся бронетехника, легионы демонов и чудовища Ада разом пытаются подняться против них, но даже им не под силу задержать восставших. Ни на секунду...

Помятая грязная тачка не очень вписывается в общую картину одинаковых красивых и вылизанных машинок, стоящих в очереди у многоэтажного готического здания банка. Все двенадцать этажей красивого и мощного здания, выросшего посреди улицы, как невысокий, но крепкий страж, работали на выдачу денег.

Внутри банк как банк: люди в очередях, прилавки, табло с номерами, приём у кассы по талончикам. Интересно, когда здесь уже сделают банкоматы?

– Личный номер. – дежурно потребовал гном в чёрной мантии с сероватой кожей, когда дошла моя очередь. Он был кудрявый, с длинной седой бородой и совершенно пустыми скучающими глазами.

– 1 781 502 468. – выдаю свой паспорт в этом мире, он же порядковый номер меня в составе Слуг.

Какое—то подобие старого компьютера с выпуклым монитором стояло у гнома на столе. Он порылся там и сверил

данные.

– Двадцать девять оболов, пересчитайте. – подневольный серый гном лихо высыпал нужное количество из огромного мешка рядом с ним мне в небольшой мешочек и протянул.

– Всё верно.

– Приходите ещё. Следующий! – я отхожу с уловом. Вполне неплохо. Можно жить припеваючи до следующей перевозки, да, ещё и пару-тройку монеток останется. Чтобы затариться наркотиками (ну, а что ещё являют собою эмоции в таблетках?), еду к магазину.

Магазин. Похож на товары для Хэллоуина. Вывеской на витрине служит светящийся весёлый скелет, закидывающий яркие драже себе в рот.

Обстановка внутри довольно забавна. Пол завален тыквами, похожими на человеческие головы. В них лежат свёртки с рыжими таблетками энергии. Таблетки радости и пузырьки с прочими эмоциями валяются во вскрытых черепах, ровно стоящих на прилавках. Ассорти из разных ощущений в мешочках протягивают обугленные руки, вылезавшие из стен.

Продавщицу легко узнать по красному платью. Милая женщина лет тридцати с красными локонами, улыбается и, пританцовывая, обменивает товар на деньги. Пожалуй, это самый счастливый человек в этом городе. Не мудрено – от таблеток радостных эмоций у неё прилавки трескаются, и вряд ли кто пересчитывает каждую пилюлю. Можно и взять парочку.

Собираю товар в картонный пакет, похожий на те, что подают в общепите, расплачиваюсь, наблюдая за её весьма милостивой, чуть похотливой улыбкой, попутно выслушиваю её полупьяные попытки флиртовать и молча ухожу.

Несколько таблеток успеваю проглотить по дороге и вновь чувствую себя живым. Поскольку происходящее начинает иметь для меня значение, я вновь начинаю переживать за свою машину. Паутина трещин на стекле и вмятины на капоте дико расстраивают, однако в мастерскую ехать не тороплюсь. Проехав по извилистым улочкам, добираюсь до Русского квартала. Кроме названия в нём отечественную культуру не выдает ничего больше: те же чёрные дома и серые морды прохожих, как и везде. Обозначение «Русский», скорее, ориентир для Информационщиков, чтобы понимали, куда и на каком языке отправлять очередную партию газет.

Здесь, в этом районе, стоит чёрная скала моего дома, на шестнадцатом этаже высотки моя квартира. Точнее, расширенная версия гроба, где есть кровать и шкафчик. Поселись я на этаже выше, или вообще на другой улице – разницы бы не было никакой. Одно оконце, одна кровать с чёрным бельём, шкафчик, зеркало и стены с тёмно-серыми, как мокрая мышь, обоями. Гроб с необходимыми удобствами.

Однако единственное отличие именно моей ячейки от остальных в том, что здесь меня кто-то ждал. То существо, что чудом сохранило искреннюю радость существования да-

же после жизни.

Рекс. Как и всё, что было со мной на Земле, его я тоже помнил обрывками: где-то всплывали картинки, как мы бегали с этим кобелём овчарки вверх по склону, как я брал его с собой на спортплощадки и заставлял прыгать через препятствия, как он утром будил меня и приносил в постель мячик, но, как я приобрёл пса и откуда он у меня, было загадкой. Он умер через неделю после моей гибели. Душа преданного животного незамедлительно пошла за хозяином.

Души домашних животных всегда идут следом за своими хозяевами: хоть в райские кущи, хоть в жар преисподней.

Мир Мёртвых преобразил Рекса. Из симпатичной немецкой овчарки он вырос в мускулистую лохматую чёрную псину с острыми кинжалами зубов и горящими багровыми глазами. Правда, пугающая внешность никак не отобразилась на характере пса. Он остался всё таким же добродушным и счастливым раздолбаем, каким я успел его запомнить. Та искренняя радость, с которой он накидывался на меня, чуть не сшибая своей массой и упираясь мощными лапами мне в грудь, волей-неволей напоминали о жизни. Пёс по-прежнему был жив и совсем не смущался ни своей новой внешности, ни окружающей серости. Для него всё осталось как раньше.

А для меня нет...

Я действительно умер. Странно, почему он ещё рад меня видеть.

В моей душе совсем не осталось ничего живого, даже полноценных воспоминаний о своей биографии, а этот пёс от-чего-то ещё любит меня. Что он находит во мне?

– Поехали, гулять будем. – и открываю перед ним дверь. Пёс, подпрыгивая от радости, выбегает из квартиры.

Как совершенно живая собака, он скулит в лифте, когда тот, громяхая, опускается вниз и, часто дыша, семенит вперёд меня к машине.

Я сажаю его на переднее сиденье и следую к Мастерской.

В отличие от банка, который один на весь город, мастерская в каждом квартале своя, поэтому путь туда длится не более минуты.

Мастерская. Одноэтажный длинный ангар, вмещающий в себя порядка ста машин. Крыша покрыта скромным чёрным шифером, над ней висится скульптура мигающего изумрудного черепа с двумя гаечными ключами под ним. Эдакий аналог пиратской эмблемы.

Внутри ангара машины стоят в линии: каждая в центре круга с пентаграммой. Механики в балахонах водят по ним посохами мерцающих гаечных ключей (каждый размером как добрая бейсбольная бита), и мелкие повреждения разом исчезают с помятых автомобилей.

Помимо ремонта здесь периодически проводили зарядку артефактов и энергоблоков машины энергией Смерти. Этот процесс можно сравнить с заправкой.

– Вася, принимай аппарат. – обращаюсь к начальнику Мастерской, невысокому полному пареньку с маленькими, но всегда смеющимися голубыми глазками. Хоть ему и было чуть за тридцать, когда он умер, но всегда производил впечатление незрелого юнца. Несмотря на то, что у него была должность начальника Мастерской, получал он чуть больше обычного механика, но список обязанностей был на порядок длинней.

От своей должности отказаться не мог, стать механиком тоже.

В Городе Суда всё устроено так, что у тебя не будет мотивации к карьерному росту, а смена деятельности не предусмотрена вообще. Всё, что ты можешь достичь – это работать чуть больше на своей работе, чтобы рассчитывать приобрести чуть большую дозу эмоций. Богачом не станешь.

– Да, где ж ты едешь то, а? – обомлел он, глядя на БМВ. – Как ты можешь помять машину, у которой несколько слоев магической защиты, которую пушкой вряд ли прошибёшь?

– Насчёт пушки не уверен, а вот пару валунов покоцало. В Каменную Бурю попал.

– Ну ты даешь, Арчи! Нельзя, что ли, по основным безопасным трассам ездить?

– Да, наперерез как-то быстрее.

– Быстрее ему! Ты, чем быстрее привозишь, тем награду получаешь больше, а обо мне подумал? У меня зарплата фиксированная, сколько машин не починю, всё равно полу-

чу одинаково. Думаешь, мне в кайф ещё с твоей тачкой возиться?

– Да брось ты, Вася! Можно подумать, ты сам с ней возишься.

– Ну... Мне следить тут за механиками.

– Ой! Вась, кончай уже жаловаться. Через сколько машину забирать?

Вася бросает ещё один взгляд на БМВ.

– Через полтора-два часа заходи.

– Окей.

Подождать можно в Парке Самоубийц, рядом. Называется он так потому, что, гуляя по нему, другого желания, кроме как повеситься или утопиться, не возникает.

Дизайнер, продумавший его, развесил петли на полуголых ветвях, а в маленьком пруду временами всплывал искусно сделанные манекены утопленников. Периодически их толкал гигантский сом, живший в этом же водоеме.

В парке почти никого. Депрессивный и унылый пейзаж: по блёклой, еле зелёной траве стелются чёрные верёвки змей, усталые деревья в бессилии опустили ветки, а по вымощенным дорожкам изредка проходит пара угрюмых прохожих.

Только Рексу весело. То схватит за хвост незадачливую чёрную рептилию, то тащит мне палку, чтобы я кинул ему её. Он радостно лает, бегая вокруг меня, но от его нынешнего

лая стынет кровь в жилах, а его улыбающаяся физиономия с двумя рядами клыков может вызвать инфаркт.

Но Рекс ничего об этом не знал. Для себя он оставался таким же ухоженным псом-овчаркой, а Парк Самоубийц виделся ему лишь уютным сквером, какой был возле моего бывшего дома.

Действия эмоций заканчивались, и на душу мне ложились всё более тяжёлые и мрачные мысли. Глядя на доброту пса ко мне, я уже начинал сомневаться в своей принадлежности к клану Слуг Смерти. А, вдруг я при жизни был добродетелен, и меня по ошибке засунули сюда? Или же я был воплощением зла? Алекс отметил, что знает некоего бизнесмена Артура Орловского, что работал в связке с Дуковым, криминальным авторитетом, что подорвал журналиста в его собственной машине. Что, если мне лучше не знать, в каких грехах я был повинен при жизни?

В задумчивости я смотрю на вышку Здания Суда. Добро и зло. Что это вообще такое? Всего лишь две относительности.

Добро – сила, направленная на созидание, зло – на уничтожение, но ведь создать можно атомную бомбу, а уничтожить вирусы. Или же добро заключается лишь в соблюдении так называемых Божьих Законов?

Но ведь я могу каждый день ставить свечку в церкви, а вечером насиловать детей, или я могу презирать религию, но придумать лекарство от рака?

А, может, добро ты или зло, определяют твои помыслы?

А, что толку от моих помыслов? Человек ведь познаётся в поступках. Я могу с искренней любовью к человечеству сидеть на диване и плевать в потолок, или же ненавидеть людей, но быть фанатично преданным своему делу и этим помочь миллионам человек.

А, может, наши поступки и мысли просто излучают ту или иную энергию, а добро и зло есть не что иное, как заряд плюс и минус?

Я сажусь на скамейку у круглого пруда и стараюсь отвлечься на колышающуюся гладь, из которой периодически высовывает свою уродливую морду гигантский сом. Рядом со мной сидит какой-то мужчина и увлечённо читает свежий выпуск DD (DeathDaily). Судя по очертанию букв, язык похож на латынь или римский.

– О чём там? – интересуюсь у него, чтобы отвлечься от тяжёлых мыслей.

– Да, всё об одном этом же, Артур, о железной дороге. – говорит знакомый голос позади внушительного разворота газеты.

– Луций? Вот, так встреча.

– Именно так. – он опускает газету.

Это стройный широкоплечий мужчина лет пятидесяти с выразительными серыми глазами и мужественными чертами лица: почти прямоугольные скулы, прямой нос, низкий и широкий лоб; голову покрывает жёсткая как щетина ко-

роткая стрижка седых волос. Луций, старейший Извозчик из тех, с кем я знаком. В прошлом римский легионер. Он так давно занимается перевозками душ, что одно время делал это на запряжённой чёрным конем колеснице.

Он один из немногих Слуг Смерти своего возраста, с которыми можно общаться.

Те Извозчики, что проработали несколько столетий, становятся, замкнутыми и необщительными, а их лица практически неподвижными. Однообразная работа превращает их в простые равнодушные машины. Куклы за рулём.

– Ну, приветствую тебя, старый друг. – обмениваемся крепким рукопожатием. – Ты какими судьбами здесь?

– Отдыхаю. – просто отвечает собеседник, Рекс подходит к нему, дружелюбно кладет свою огромную морду ему на ногу, и Луций, умиляясь, чешет кошмарного пса за ухом. – Стало скучно только по своему кварталу околачиваться, вот, в ваш решил заглянуть. Провести время, как проводят его пожилые люди вашего времени: за газетой в парке.

– А машину ты где оставил?

– Я пешком, куда мне торопиться?

Я уже собирался выдать что-то изумлённое в духе: «Откуда у тебя столько времени?», но старый римлянин перебил меня, сказав:

– Да-да, я уже целую неделю отдыхаю. Пусть наши тела и обрели качественно другое содержание, но вероятность

свихнуться от работы всё же остаётся, – усмехается. – Временами нужно делать перерыв.

– А как же эмоции?

– Поверь, за тысячи лет моей работы у меня столько скопилось монет, что я уже могу кормить рыбок. К тому же это только вас, новичков, на каждую душу дёргают, меня Плутон вызывает на задания лишь по особым случаям.

– М-да, везёт вам. Чего хоть пишут о железной дороге? – нарушил его молчание.

– Через недельку эта махина сойдёт на рельсы. Пожалуй, историческое событие. – сухо прокомментировал он факт. – Но, вряд ли оно вызовет столько же ажиотажа, как вызвало появление первого автомобиля в Городе Суда. Вот, как ты думаешь, для чего делают Поезд, машины и прочий транспорт?

– Чтобы быстрее доставлять души в Ад или Рай.

– Хорошо, а почему тогда Смерть, чьей силы хватит на то, чтобы слепить и придумать что угодно, постепенно семенит за прогрессом людей? Делает Извозчикам машины, колесницы, корабли, а не создаст какую-нибудь гигантскую трубу, через которую души будут как почта прилетать на пункт назначения?

– Ну, когда-нибудь такая создас...

– Никогда такая не создастся! – категорически заявил он. – А, знаешь, почему? Тогда мы все лишимся работы, и у Смерти появится куча незанятых душ, которых нельзя

ни переработать, ни приспособить под войну. Слуги Смерти просто должны быть чем-то заняты, чтобы не создавать проблем, вот и всё.

Я лишь пожал плечами. Конечно, его реплика выглядела уверенно и твёрдо, а не скомканным старческим ворчанием, но во мне ничего не пошевелила. Может, он прав, но мне серьёзно плевать, какими мотивами руководствуется Господин Смерть и для чего мы созданы.

– Ну, я думаю, на этой работе чуть больше разнообразия, чем в депрессивном городе.

– Не совсем так, здесь, на самом деле, полно интересных и ещё живых разумом людей, которые не разучились думать, мечтать и развиваться.

– Мечтать, развиваться? – я фальшиво натянул губы в улыбке. – Какой смысл, если ты ничего уже не достигнешь в жизни, когда и жизни-то больше нет?

Луций отодвигает рукой пса и встаёт со скамейки.

– Артур, брось эту чушь. Смерть – это лишь начало пути, и ты можешь достичь больше, чем за тысячи жизней. И то, что нас поместили в рамки и поставили строжайший запрет на индивидуальность, лишь доказывает, что мы можем это сделать. Артур, не превращайся в эти тени, что живут от одной выдачи монет до следующей. Тебе никто и ничто не может запретить быть тем, кем ты желаешь...

– Забавно, что ты говоришь здесь о ценности человеческой личности. – я осмотрелся. – Лишних ушей не боишь-

ся? Ты лучше меня знаешь, что за такие высказывания тебя запросто могут упечь в Госпиталь, где в твоей голове хорошенько покопаются.

– Ну, я, как видишь, не попал. – Луций как бы невзначай скидывает руку к подбородку, смотрит на наручные часы и говорит: – Ну, мне пора, и тебе тоже. У тебя по-любому тут машина рядом на ремонте стоит. Кстати, загляни как-нибудь на досуге в Библиотеку. На восточном углу квартала Рима.

– У нас есть библиотека? У нас ведь, кроме газет, ничего не читают.

– Ошибаешься. – Луций задумчиво улыбнулся и ушел куда-то по своим делам.

Странный этот Луций. Конечно, один из немногих Извозчиков, с кем я, скажем так, подружился, но иногда выдаёт такое, что потом внутри даже без эмоций ощущается что-то вроде обвала. Его взгляд на вещи оригинален и имеет некую долю человеческого оптимизма, но при этом совершенно абсурден.

Впрочем, всерьёз его слова я не воспринял. За такой огромный промежуток времени, пока он существует, в нём столько накопилось, что он чисто на уровне сознания презирает этот унылейший городок, и всеми силами пытается найти здесь что-то лучшее в себе и в других.

Я же был реалистом и давно уже оставил эти попытки.

Все-таки здесь коротать вечность, и нужно сразу её воспринимать адекватно, чтобы не находиться в вечных иллю-

зиях и разочарованиях.

ГЛАВА 8

Я вновь за рулём. Машина сверкает, будто только из автосалона. Чистенькая, гладенькая: ни пылинки, ни царапинки. Под действием таблетки восторга я чуть ли не восхищаюсь притягательностью своей тачки.

На перекрёстке меня подрезает знакомая Ауди, резко выезжает вперёд, тормозит, словно дразнит, сигналит и увиливает в поток машин. Ну что ж, хочешь погонять? Давай.

Жму на газ. Пока все водители неспеша едут по гладкой городской трассе, их с рёвом обгоняют два бешеных гонщика. Огненные следы остаются за их шинами, а прохожие в ужасе разбегаются, когда они заезжают на тротуар.

Судя по тому, куда ведёт меня Ауди, место финиша предельно ясно. Край плато позади Итальянского квартала.

Бешеный гонщик, позади я. Ауди впереди носится влево-вправо, стараясь не врезаться во впереди идущие машины. Она уверенно мчится к финишу. Я в таком же темпе совершенно спокойно за ней.

Вот уже скоро поворот на финишную прямую, Ауди уже собирается поворачивать налево, после ей останется только вдавить педаль в пол – и вот она уже победитель.

Но я сделал круче.

Резко сворачиваю раньше, на дугообразный мост, проходящий над той дорогой, которая тоже обрывается на фи-

нише, разворачиваю машину бампером к низким хлипким ограждениям, хорошенько буксую, выжидаю нужный момент и... по газам!

Я с грохотом рухнул на пустую трассу и вдавил педаль в пол.

В две секунды я достиг набережной и резко затормозил.

Каково же было удивление моей соперницы, когда она уже подумала, что окончательно оторвалась и, достигнув финиша, увидела там меня.

Я стоял, присев на капот своего железного коня и нахально смотрел, как она резко тормозит и выходит из машины. Чувство восторга от уличной гонки под действием таблетки было просто неопишимо. Я чувствовал себя героем кино, сошедшим с экрана.

– Артур! Ну это нечестно! – возмущённо крикнула она, быстро подходя ко мне.

– Это почему же? – улыбаюсь я своей сопернице, нахально рассматривая её стройную фигуру в обтягивающих чёрных лосинах и расстегнутой до декольте рубашки. Под действием эмоции восторга частично пробуждаются инстинкты живого человека. – Правила ты не устанавливала.

Её звали Анна, при жизни студентка юридического факультета МГУ. Сгубило её увлечение стритрейсингом, прекрасная девушка не вписалась в поворот и разбилась.

У неё была спортивная Ауди ТТ, но поскольку спорткары – удел Киллеров, то здесь ей приходится гонять на четы-

рехдверной городской машине.

Она первая Слуга Смерти, с которым я познакомился. Именно в её машине я ехал на Страшный Суд. После того, как меня обрекли в Извозчики, я с ней, как и с Луцием, подружился, и временами мы играли в догонялки на просторах Города. Хотя, насчёт «подружились» я переборщил... Пару раз мы с ней даже условились купить по красной таблетке «эротик» и чуть не сломали её кровать в экстазе.

Последние пару месяцев мы это не повторяли. После процесса в этом мире не остаётся ни чувства влюблённости, ни привязанности, ни вожделения, и даже жёсткий секс под соответствующей таблеткой скорее просто акт ностальгии по былым ощущениям. Поигрались, и никакого осадка: ни положительного, ни отрицательного.

– Но, по дороге бы ехал хотя бы...

– Можно подумать, тебя так задела моя победа. – усмехалась. – Ты же знаешь, что я не любитель гонять по Основным трассам. Даже в Мире Мёртвых всегда срезаю.

– И потом машина у тебя выглядит, будто в хлеву валялась. – огрызнулась она, но, поскольку сама была под действием восторга, выражение восхищения снова растянулось на её лице. – Всё-таки классно ты водишь! Прокатимся как-нибудь вместе? – она обняла меня за шею, глядя в глаза. Не влюбленно, а восторженно, будто на кумира.

– Ты точно приняла «восторг», а не «эротик»? – улыбнувшись уголком рта, приобнимаю её за талию.

– С тобой бы ещё раз. – она причмокнула меня в губы. Ощущения, будто меня поцеловала кукла – никакого человеческого тепла в нас, само собой, не осталось. И, видимо, Анка съела чуть больше таблеток восторга, поэтому голову ей снесло напрочь. – Боже, посмотри, как красиво! – воскликнула она, вырвавшись из моих объятий. Морской пейзаж позади нас был действительно потрясающий.

Мы стоим с ней у самого края этого небольшого пятачка на набережной. Перед нами обрыв, а внизу разъярённые тёмные волны с силой бьют о плато и качают величественные чёрные парусники. Сотни кораблей с черепами на равных парусах и вечно довольным весёлым Роджером на флагах.

Если присмотреться, то можно увидеть не только средневековые парусники, но и небольшие ладьи викингов и египтян.

Однако не только старинные суда стоят на причале Города Смерти.

Я замечаю один громадный пароход, гордо стоящий в окружении знаменитого парусника Баунти и легендарного корабля Санта-Мария, на котором Колумб открыл Америку. Титаник во всём своём величии. Он грозно гудит на всю гавань, требуя разойтись, и уверенно держит курс на восток, туда, где небо залито ярким золотистым сиянием. В Рай.

Флот Смерти. Здесь только погибшие корабли. Они везут только осуждённые души по воде. Прежде чем стать Извоз-

чиком и заслужить машину, каждый должен полгода отслужить в этом флоте, поработав матросом на одном из таких кораблей.

По «счастливой случайности» мне досталась наиболее ужасная посуда. «Летучий Голландец», флагманский корабль-призрак. Вон, эта громадина невозмутимо стоит в окружении крошечных на её фоне парусников. Здесь он в десятки, а, может, и сотни раз больше своего реального прототипа. Даже Титаник рядом с ним выглядит рыбацкой лодкой. Рваные серые паруса, весь покрыт неровным панцирем из раковин гигантских моллюсков. Нос, похожий на изогнутый меч, угрожающе наставлен вперёд. В вороньем гнезде (сравнимое по площади с детской площадкой) на вершине мачты я видел какое-то едва заметное шевеление. Это Шкипер. Пока внизу матросы в кандалах под кнуты Надзирателей дряют палубу, он с гордостью стоит на верхотуре и любитесь видом.

Да... Я там был, на этом судне, и полгода по моей спине со страшной силой бил кнут, пока я, скрипя зубами, драил палубу или грёб тяжеленным веслом. Тогда мне казалось, что я попал в Ад.

И, лишь потом, став Извозчиком, я узнал, что Ад больше похож на казарму, и мало что имеет общего с моей каторгой.

Если вы думаете, что морские пути Мира Мёртвых в отличие от автоперевозок безопасны, то серьёзно ошибётесь, ведь неспроста Мёртвая Верфь изо дня в день горбатится

над строительством очередного судна, потому что на диких морских просторах наши корабли гибнут постоянно.

Причин масса: это и серьёзные шторма, вздымающие волны размером с небоскрёб, это и постоянные цунами, грозящие поглотить судно целиком в свой водоворот, это и грозно вырастающие из волн рифы. Также никто не отменял и легионы морских чудовищ, среди которых гигантский кальмар Кракен отнюдь не самый опасный и не самый крупный.

Помимо чудищ угрозу представляют стаи диких летучих русалок, которые в секунду могут оккупировать весь корабль. Обладая гигантскими когтями и острыми клыками, они способны с лёгкостью разорвать человека и буквально за пару минут обглодать весь экипаж.

Тела Мёртвых матросов не затеряются в пучине океана. Вода как железо к магниту принесёт их тела к Городу Суда, но восстанавливаться в Госпитале ребятам придётся очень долго, и собирать оставленный плавать по волнам груз из пассажиров тоже.

Чтобы судостроительный бизнес не был в убыток Смерти, суда ходят группами, и каждый корабль на протяжении всего пути охраняет кортеж из вооруженных до зубов всадников на касатках.

В основном они и помогают пресечь нападение диких русалок. Сами корабли не случайно оснащены целым арсеналом из пушек, баллист, мортир и катапульт; кроме того, каждый матрос обязан носить при себе небольшой лук со стре-

лами и кортик. Наличие оружия у матросов нередко становилось причиной бунтов, но Надзиратели их вовремя пресекают. Вооружить матросов необходимо. Всё дело в том, что дорога к Аду (на горизонте небо Ада сияло красным) проходит через Проклятые Острова. Сирены, зазывающие мореплавателей, не самое страшное, что там есть. Острова усеяны цепями пиратских морских городов, из которых наперерез одному кораблю Смерти может пойти иногда два и три судна корсаров.

В роли пиратов в этом мире выступает агрессивная цивилизация орков, грозных существ и отличных воинов. Они выглядят получше гномов, даже похожи на людей: ходят прямо, имеют волчьи клыки и крепкое телосложение. Средний рост орка около двух метров, и он прекрасно владеет холодным и метательным оружием. Их огненные стрелы и копья могут соперничать по эффективности только с магическим арсеналом демонов.

Надо сказать, и морской бой орки ведут хорошо. Как-то раз их три бесстрашных корабля пытались взять на абордаж Голландец, но куда им поймать такую посудину? Бой длился несколько минут. Вражеские суда были разнесены в щепки шквалом из сотен орудий, но и Голландцу потом пришлось долго заштопывать раны.

Так что сложно сказать, что опасней в нашей практике: плыть по воде на громадном вооружённом до зубов судне или в одиночку маневрировать между опасностями на суше.

А, пока я стоял, обняв девушку сзади за шею, и наблюдал за невероятным морским пейзажем. Он словно поделен на три части. Посередине, за кораблями, грозные волны и черное колыхающееся небо. Слева Ад, там клубились красные пылающие тучи, а справа Рай. Золотистые облака нежно смешивались друг с другом как йогурт с желе. Красиво.

И вся эта гамма медленно перетекает друг в друга...

ГЛАВА 9

Разъехавшись с Анькой, я неспеша ехал к тому месту, на котором ныне сосредоточено всё внимание Слуг. Завод. Громадный ангар, на месте которого могло бы поместиться целое поселение. От закрытых дверей ангара до края плато, а дальше по ещё одному недавно отстроенному мосту, стелилась железная дорога такой ширины, что, если на неё поставить поперёк какой-нибудь старинный локомотив, то он запросто бы поместился между шпалами. А, судя по высоте ангара, детище оттуда должно было выйти нешуточное.

Слышался шум и треск внутри – строительство шло полным ходом. Железная дорога в Мире Мёртвых. Грандиозный проект, который готовили вот уже свыше ста лет.

Слышал, что строительство дороги до Рая взяли на себя ангелы и поставляли своих тружеников выстраивать длинное заколдованное от магического вмешательства полотно, демоны же использовали рабский труд каторжников для строительства и накладывали на полотно тёмные чары.

Слуги Смерти, само собой, взяли на себя строительство Поезда. На такой грандиозный проект требовалось колоссальное количество времени и магической энергии, поэтому для его реализации впряглись сразу все три Силы.

Я слышал, что уже завершаются последние приготовления, и совсем скоро Поезд, стуча колёсами, выйдет на же-

лезнодорожное полотно.

Ждал ли я этого дня? Нет, но отчего-то хотелось посмотреть эту громадину в деле. Всё-таки даже смерть не смогла уничтожить в человеке самую главную эмоцию, которая всегда остаётся при нём. Любопытство.

Отчего-то мне всё ещё хотелось чего-то знать...

Закат медленно угасал, а мой путь лежал домой. Здесь, на шестнадцатом этаже небоскрёба, я стоял у окна своей тёмной норы и наблюдал за тем, как ночь окутывает Город Суда. Я не раздевался. На мне по-прежнему был этот, словно въевшийся в плоть, полностью чёрный костюм и удушливая петля белого галстука.

Рекс ещё какое-то время поносился по кровати и, запрыгнув на постель, задремал. Я же по-прежнему стоял бледной и неподвижной фигурой у окна.

Ночью Город Суда преображается до неузнаваемости. Чёрные озлобленные тучи расползаются, уступая место звёздному небосводу, а прожектор полной луны заставляет сиять слепые окна зданий бледным мертвенным блеском.

Температура здесь резко падает, и можно видеть, как по городу тенью проносятся чьи-то призрачные силуэты, словно напыляя лёд на всё. Буквально за час леденеют дорожки, сосульки свисают со столбов, и целые ледяные глыбы сковывают горгулий на крышах домов.

Ночью Слугам Смерти запрещено выходить на улицу. Кроме Извозчиков, которые смогли добраться до Города

только ночью. Действует комендантский час. Каждые пару минут под окном лениво проезжает громыхающий броневик с Надзирателями на борту. Слугам не положено одиноко гулять по улицам ночью. Потому что выйти на улицу ночью ты сможешь только в одном случае: подумать.

А думать тут явно под запретом. Это очевидно и без советов Луция. Единый стиль одежды, одинаковые цвета и механическое следование правилам – всё это явные признаки тоталитаризма. Я знал это. Многие знали, но, кому до этого было дело, когда вечная жизнь по одному шаблону была вполне комфортной, и что-то менять было просто лень?

В ту ночь я тоже вышел на улицу, кутаясь в чёрный плащ, зачем-то валявшийся в шкафу. Вышел не потому, что я был бунтарём, не потому, что я решил бросить вызов системе, а потому, что мне просто было любопытно.

Слова Луция о некой библиотеке, которой в принципе не должно быть в этом Городе, где вместо книг только газеты, не давали мне покоя.

Не знаю, что в ту ночь заставляло меня стелиться, как тень, у стен домов и прятаться в подворотнях от патрулей, но перед глазами отчётливо были образы людей, которые в ночи, как и я, в чёрных костюмах, в тусклом сиянии свеч сидят за книгами. По-любому там одни престарелые возрастом, но молодые телом Слуги, что проводят своё время за чтением древнейших трудов, пока остальные люди просто живут от дозы до дозы. Это было бредом сумасшедшего, но,

видя, как Луций не работает и живёт припеваючи, я начинал верить в это.

Восточный угол квартала Рима. Едва разбирая дорогу в темноте и временами поскользываясь на обледеневшей дороге, я шёл туда.

Ночной город приходил в движение, и мне уже становилось куда проще прятаться. Пока Слуги дремлют в своих ячейках, сам Город суда просыпался, чтобы до рассвета пожить своей уникальной жизнью.

Гул ветра напевал какую-то свою то заунывную и тихую, то, наоборот, звонкую и громкую мелодию. В угасающем свете обледеневших фонарей на тротуаре начали бешено отплясывать чьи-то человеческие силуэты.

Ночь. Никого. Пустая улица, не слышно даже криков чак, даже патрули куда-то подевались, а на асфальте остывшей трассы с каждой секундой становится всё больше и больше теней. Они берутся за руки, прыгают через невидимые препятствия, кружатся в хороводе и даже занимаются любовью. Когда они заполняют своим чарующим танцем весь асфальт, их тени возникают на стенах, мелькают причудливыми отражениями белых обнажённых тел на стёклах.

Духи-тенеплясы. Никто не знает их природы и происхождения. Известно лишь, что с начала времён каждую ночь их тела вечно танцуют на этом плато.

С радостным воем завопила довольная метель: её снежинки закручивались в вихрь, обретая очертания новых танцую-

щих силуэтов, а самые сильные духи выстраивали себе плотное снежное воплощение. Их грациозные тела с полным отсутствием лиц на плоских головах беззаботно кружились, не замечая ни меня, ни происходящего. Они жили в каком-то своём особенном, недоступном никому миру. На границе бытия и небытия. Реальности и иллюзии.

Украдкой я подходил к римскому кварталу и уже готовился выскивать в ночи очертания библиотеки. Интересно, как она выглядит? Величественное здание с колоннами из чёрного мрамора или замаскированный подпольный подвал?

Вдруг пространство вокруг меня заколыхалось, а тенеплясы прекратили танцы и вежливо отступили в сторону, когда в окружении чёрного вихря по дороге шла Она.

Воплощение холодной красоты в одеянии из тьмы плыло по небу ко мне навстречу. Заворожённый, я не мог отвести взгляд от неё: от её стройной как статуэтка фигуры в обтягивающем платье с открытым декольте, от её чёрных, сверкающих как алмазы больших глаз, от её ровного овала белого лица, от россыпи тёмных как июльская звёздная ночь блестящих волос.

Богиня редко снисходила до простых Слуг, но сейчас она лично шла в мою сторону. Окружающая улица ещё больше сковывалась глыбами льда, а я стоял на месте, как кролик, загипнотизированный удавом.

Мара, богиня смерти, что курировала славянских Извозчиков.

За каждой этнической группой был закреплён свой Бог смерти, что следил за каждым Слугой у него в подчинении.

Но я был настолько пленён красотой богини, что не сразу сообразил, почему она здесь...

– Что ты забыл здесь, Извозчик? – осведомилась она, чуть приподняв бровь. Её холодный, но в то же время обжигающий взгляд словно смотрел в самые глубины моего сознания и тщательно вычитывал его содержимое.

– Если бы я знал... – всё ещё не в силах оторвать от неё глаз, ответил я. Странное чувство было внутри меня: беспокойство и холод, и в то же время некое вожденное удовольствие. Поразительно, как божественная энергия способна вызывать чувства даже у мертвецов...

– Оставь это! – строго сказала она, подойдя совсем близко. – Ты ещё не знаешь, чего хочешь, но именно эти желания могут тебя разрушить. Тебе не стоит пытаться терзать себя сомнениями, присущими живым... Этот путь приведёт тебя к борьбе, жестокой и тяжёлой борьбе... Но, ты можешь остановиться сейчас.

– Что... Что это значит? – смутился я, словно утопая в омуте глаз богини.

– Ты сам всё поймешь.

Она нежно гладит меня своей ледяной рукой по щеке, а в её глазах я читаю искренние переживания за мою судьбу. В этот момент чёрный вихрь хлопаньем тысяч вороньих крыльев окутывает меня, очертания Мары теряются в нём,

крылья сильно хлещут по мне, а затем я оказываюсь снова в своей квартире. Словно и не выходил. Рекс недоумённо поднимает морду, изумлённый моим внезапным появлением.

Я ещё долго стоял посреди квартиры, не понимая, что происходит, и почему богиня, встретив меня в комендантский час на улице, хотела о чём-то предупредить, а не сдать патрулям... Всё очень и очень странно.

Пока в Городе Суда одинокий Извозчик в тяжёлых размышлениях о неизвестности сел на кровать рядом с собакой и понял, что лучшим окончанием его мучительных раздумий будет выпить таблетку покоя, Ад рвало на части.

Их было всего пятьдесят, но каждый из них пылал ярче солнца, заставляя слепнуть, даже привыкших к виду пламени демонов.

Это были далеко не ангелы, а особи в разы лучше их, в разы сильнее, они подобны карающим звёздам, спустившимся на землю. Их нельзя победить, нельзя ранить; целый легион демонов не мог даже задержать их.

Они просто шли вперёд, к свету. В их лицах лишь искренняя радость и свобода, никакой ярости. Демоны сотнями ложились у их ног со сломанными шеями и вырванными рёбрами, захлёбывались в своей крови и стонали от боли, а они всего лишь спокойно двигались своей дорогой. Словно дети, выбежавшие на лужайку в солнечный день, бунтари просто

беззаботно неслись к воротам, лёгкими движениями сокрушая всё на своём пути. Для них словно и не было преград в лице военной техники и разъярённых чертей с автоматами.

Всё вокруг было лишь игрой, забавным рядом угрожающих картинок перед ними.

Половина сотни солнечных брызг неслись к свободе...

ГЛАВА 10

Кирилл Сотник не верил в любовь, не верил в честь, не верил в порядочность. Его идолом были деньги, и в выборе кумира он был отчасти прав. За свои восемнадцать лет ему не раз и не два приходилось наблюдать, как нравственность обращается в прах под чарующий шорох купюр.

Ему было не в чем себе отказать. Эдакий элитный мажор, ярко выраженный представитель вида московской золотой молодёжи. Ареал обитания: трёхэтажный особняк на Рублёвке, перемещается на подаренном отцом Бугатти, оперение – одеяния «Гуччи» и «Прада». Сила – в кредитной карточке и ломящемся от бумажек кошельке.

За стеклом спорткара проносится ночная Москва, сбоку на правом сидении улыбается миловидная девушка с блестящими русыми волосами и игриво поплёскивающими глазами. Он видел её впервые: она не была проституткой, но, увидев его машину, тут же прыгнула к нему, и, вот, уже похотливо лезет своими ботоксными губами к нему в трусы.

Деньги решали всё, и он ни раз в этом убеждался. За деньги он заставлял людей терять честь, творить непристойные вещи, изменять любимым, предавать друзей, выставять себя на позор перед публикой, опускаться ниже уровня грязных животных. Время от времени он делал это для забавы, предлагая простому прохожему сделать какую-нибудь гряз-

ную низость за несколько цветных бумажек.

Всё в этой жизни покупается и продаётся, и для него это было печальной истиной, загнавшей его в тупик.

С рождения у него было всё, за что простой столичный работяга вкалывал до седьмого пота, лелеял эту мечту до последнего, и так и не получал, заливая своё горе дешёвой водкой. Деньги, море красивых женщин, дорогие иномарки, личная яхта у берегов южных островов, лучшие деликатесы мира на завтрак. Все его мечты сбылись уже когда он родился: богатство, комфорт и почтение окружало его на протяжении всей жизни.

Прожигая своё счастливое существование в ночных клубах и дорогих барах, куда никогда не попасть простому смертному, к шестнадцати годам он однажды с ужасом понял, что у него нет мечты.

Ему не к чему было стремиться. Лавры шоу-бизнеса, куда ему был свободный вход, его не интересовали, а другого призвания он себе не нашёл. Да, и не видел смысла. Железобетонный пресс бабок способен был даже без его участия пробить ему ковровую дорожку, куда он скажет, и обеспечить его любыми регалиями. Смысл стараться достичь мастерства в чём-то отпадал, да и его друзья твёрдо внушили ему, что это полный бред, и нет ничего лучше, чем жить для себя.

И всё же он пытался найти себя в благотворительности и помогать людям, но вскоре понял, что даже благородные дела замешаны на бабках, и везде найдутся люди, желаю-

щие нажиться даже на его чистых устремлениях. Он пытался помогать детским домам, инвестировать в медицину и фонды помощи пострадавшим от войны, но потом обнаруживал, что его деньги так или иначе перетекали в чью-нибудь дачу или дорогие машины. Его изнеженное с детства воспитание не дало ему необходимых волевых качеств, чтобы продолжать помогать людям, вопреки всем неудачам, и вскоре он опустил руки. И снова предался разврату, шумным тусовкам до утра и наркотикам.

Пока девушка под сиденьем изо всех сил старалась ему угодить, как сотни других до неё, он смотрел на опустевший ночной город. Такой дорогой, сверкающий и мигающий, но пустой. Как и он сам.

С тоской в душе он осознал, что дошёл до точки. Он понял, что не может найти и никогда не найдёт свою мечту. Он лишь пустая кукла, обмотанная дорогим тряпьем. Его жизнь удалась. Но, в его случае «удалась» – значит «закончилась». Он не знал, к чему стремиться...

Как в калейдоскопе, кадр его однотонной жизни снова сменился, и, вот, спустя несколько часов он уже стоял на параде в его честь.

Закрытая вечеринка к его совершеннолетию. Дьявольский парад из электронной светомузыки, армия его колбасящихся под неё псевдодрузей, кто был псевдоряд его видеть. Он улыбался с ними, пил и изображал такую же «искреннюю» радость, но всё это было лишь пустой картин-

кой. Он хотел уйти от неё, сбежать из этого душного клуба, но не мог. Все взоры были обращены на него. Ведущий обращался к имениннику, говорил какие-то лестные слова в его адрес и дружески хлопал по плечу.

Дело шло к утру, туса его друзей уже расплзлась трахаться по туалетам или бегать носами по дорожкам Карибского кокса, и уже совсем забыли про именинника. В эту ночь он тоже хотел забыть про себя, про опостылевшую и наскучившую жизнь, про легион из вечно тусующихся зомби его окружения.

Он закинулся. Наконец-то принял таблетку, которую ему весь вечер предлагал его друг-иммигрант из Колумбии. Реальность плавно поплыла перед его глазами, волна блаженства стирала былые очертания окружающего мира, а, самое главное, стирала самого Кирилла. Он уносился прочь, в красочные глубины своего подсознания, рисовавшего ему новую, непознанную картинку реального мира.

На время лишившись разума, он успел сохранить одно лишь чувство: желание уединиться, покинуть это шумное, многолюдное, но такое пустое место.

Сам того не ведая, он вышел на трассу. Светало. Солнце лениво выползло из-за спящих домов, обдавая улицы первой порцией лучей. Всё вокруг казалось таким прекрасным, таким нереальным. Кириллу казалось, словно лучи – это радостные девушки, что обволакивают его тело своими тёплыми и обильными объятиями, а солнце – огромная светящая-

ся дверь к его мечте.

Искренне улыбнувшись и вытянув к нему руки, как ребёнок протягивает их к матери, он медленно зашагал к ней. Вот она! Так близка, так ощутима, и, наконец-то, так достижима. Он медленно на ватных и неумелых, как у ребёнка, ногах шагал всё ближе и ближе к ней, всё дальше заходя на проезжую часть. Впервые за столько лет он почувствовал себя счастливым – всё, решение всех проблем, коими он терзался последние годы, было прямо перед ним, дразня его, как влажный сосуд с водой измученного жаждой путника.

Он в последний раз протянул к нему дрожащие от радости руки, прежде чем его оглушил разрывающий реальность звуковой сигнал автомобиля. Он резко повернулся в его сторону и увидел, как на него со страшной скоростью прёт безобразный чёрный внедорожник с шипами и клыками на бампере, а за его рулем безликая фигура в тёмном плаще и шляпе.

Это было последнее, что увидело его сознание, прежде чем раздался глухой удар, его тело подлетело, а голова, упав, раскололась на кровавые части. Как и его призрачная мечта...

ГЛАВА 11

Я очнулся от имитации скорого сна после таблетки покоя. Ощущение сонного умиротворения прошло мгновенно, едва я открыл глаза. Здесь, в отличие от Мира Живых, проблем с пробуждением и желанием поспать ещё пять минут не возникает. Встаёшь, будто и не спал, только душа чувствует некую облегчённость. Хоть на пару часов, но отвлеклась от окружающего мира.

Извозчику хорошо, может хоть изредка уйти в себя. Новобранцам, кандидатам в Слуги Смерти, которые только вышли из Здания Суда, приходится хуже.

Когда я был матросом на Летучем Голландце, я мог лишь упасть замертво, когда корабль где-то бросал якорь.

Спины многих Извозчиков изрезаны шрамами от тяжёлых хлыстов, что с силой падали на них ежеминутно. Тогда я искренне не понимал, за что мне это наказание. Мало того, что я практически не чувствую никаких эмоций, кроме депрессии и печали, так я почти целый день либо затираю до дыр палубу, либо стирая руки в кровь о тяжеленное весло. И при этом на меня, не переставая, обрушивается безжалостная плеть Надзирателя.

Изо дня в день, из недели в неделю я терпел и молча делал эту грязную работу. Малейший намёк на бунт – и тебя без церемоний выбрасывают за борт как никчёмный мусор.

А ещё эти постоянные насмешки и издевательства со стороны ходячих скелетов в средневековых костюмах.

Моряки!

Проклятый персонал Голландца не знал ничего, кроме как напиться мертвецкого рома и избить до полусмерти случайно выбранного матроса. Шкипер этому никак не препятствовал – напротив, он гордо ходил по кораблю и дико хохотал, видя все это. Этот жуткий хохот до сих пор скрипит у меня в голове.

А ещё он любил «кормить рыбок». Он так говорил. Когда рядом с кораблём проплывали Мегалодоны – белые акулы огромных размеров, – он хватал за шиворот любого матроса, который был рядом, и, невзирая на его крики и мольбы о пощаде, бросал за борт, а затем ещё долго наблюдал, как того разрывают на части.

Шкиперу всегда всё сходило с рук. На Голландце у него что-то вроде неприкосновенности.

А, за что я работал на этой посудине? Из-за пары таблеток в день, а то и в неделю. Я хорошо помню, как за время работы там изменились я и мои товарищи по несчастью на корабле. Из живых на вид людей они превратились в зомби, с которых слезало мясо, обнажались кости и лоскутами слезала кожа.

А, ещё корабль как подлодка мог уходить под воду, и тогда нас тыкали пиками, чтобы мы быстрее гребли. Уже под водой.

Уверен, что, попади я на Ковчег, всё было бы намного луч-

ше.

Ковчег не был на пристани, когда я вчера стоял там с Анкой, но это было крупнейшее судно в мире. Даже больше Голландца. На нём массово везли души в Рай, для них там были оборудованы комфортабельные номера, сервис, как в пятизвёздочном отеле, рестораны, развлечения. Уверен, для изнеженных душ, плывущих в Рай, было бы неприемлемо ежедневное созерцание немотивированного насилия. И его там не было. Так рассказывала Анька, которая работала официанткой на этом судне.

– Как в библиотеку ходил? – поинтересовался Луций, едва я припарковался рядом с ним у Здания Суда в ожидании очередного задания. Луций был в довольно хорошем расположении духа: на его суровом лице лучилось что-то вроде радости, какая бывает у Слуг Смерти, проработавших не одну тысячу лет: не безумная отвратительная лыба до ушей, а сдержанная деловая улыбка.

– Никак. Морана поймала, дала мне какое-то наставление и вернула домой. Я уж подумал, в Госпиталь сдаст.

– Боги руководствуются своей, высшей логикой. – он присел на капот своей Чайки (Газ—13) с круглыми вытянутыми фарами. Отчего-то римлянину полюбился наш автопром, и, когда многие его Извозчики пересаживались на новые машины, больше соответствующие духу XXI века, он предпочёл колесить на этом раритете. – Как-нибудь сходим вместе,

я тебе покажу, чтобы не заблудился.

– Знаешь, из того, что я понял из слов Мары, ясно, что мне туда лучше не соваться. Да, и тебе как-то не рекомендую распространяться о том, какие сомнительные места ты посещаешь.

Луций усмехнулся.

– Ну, серьёзно, Луций, что ты творишь-то на старости лет? Библиотеки какие-то... Коль у тебя эмоций и свободного времени так много, сгоняй куда-нибудь в джунгли, постреляй динозавров, или купи «эротиков» и от души повеселись с эльфийками.

– Дружище, даже если суммировать твою жизнь и нахождение в Мире Мёртвых, ты не прожил и пятидесяти лет, а я родился тысячи лет назад. Я уже всё тут перевидал и перепробовал. Мне это осточертело. Теперь я тянусь к знаниям, хочу подняться на ступень выше.

– Здесь? В этом мире? – даже я поразился наивности древнего. – Тут же жёсткая тоталитарная структура, о каком прогрессе речь? О каком развитии?

– Прогресс есть всегда, даже если его запрещают, друг мой... – от очередного философского нравоучения Луция отвлёк крик юноши с пушком под носом и нелепой пролетарской кепкой на голове.

– Свежие газеты! Свежие газеты! – вопил он.

– Ну-ка дай сюда, мальчик. – он подозвал его к себе, взял выпуск *Death Daily* и быстро пробежался по строчкам. – Вот

это да! За всё моё нахождение в этом Мире такая штука впервые случается! – Луций не на шутку удивился. Если удивляется человек, чей возраст составляет несколько эпох, да и к тому же у которого все эти годы не было своих искренних чувств, то там что-то серьёзное. – Ты погляди! – протягивает мне газету.

Читаю, написано на английском, но понимаю:

«Из Ада сбежало пятьдесят беглецов

Беспрецедентный случай побега произошёл сегодня ночью в Аду.

Такое ощущение, словно легион ангелов пронёсся по просторам Преисподней: от Котла (место, где проходят подготовку муками новобранцы) до Ворот Ада царит ужасающий погром: разрушенные до основания дворцы, вырванные с корнем огненные деревья, раненые демоны, и, самое невероятное... У Ворот полегло несколько Стражей Ада!

Напомним, что Стражи Ада являются одними из самых неуязвимых существ во всём Мире Мёртвых. Каким образом пятидесяти демонам-беглецам удалось совершить такой дерзкий побег и сокрушить столь мощную охрану – остаётся загадкой.

Фрэнсис Кобальт, демон-охранник, очевидец:

– Я сам не понял, как всё произошло. Всё начиналось как

обычно: с утра всех узников вывели на построение и пересчитывали.

В это время один из них крикнул что-то вроде: «Время пришло!», и несколько заключённых засветились, а потом тут же бросились наутёк, пробив стену лагеря. Мы пытались стрелять им в спину, но пули их не брали.

Бади Стафф, начальник лагеря подготовки для новых демонов «Майданек-2»:

– Я тщательно изучил досье каждого беглеца. Ни один из них при жизни не занимался оккультными науками, также они ни разу не пересекались друг с другом. При приёме в Ад ничего странного в их энергетике обнаружено не было. Контакт с враждебными Аду сущностями, будь то ангелами или Падшими, исключён.

Энергетический ущерб, нанесённый строениям Ада и его жителям, в переводе на валюту Города Суда оценивается в три миллиарда оболов.

На данный момент пресс-служба Люцифера отказывается давать какие-то комментарии на тему того, что за сила могла руководить сбежавшими демонами.

Напомним, что до этого самый дерзкий побег в истории Ада был совершён Джозефом Стифлером и его подельниками через небольшой лаз на границе с Зоной Войны, тогда все нарушители, кроме Джозефа, были задержаны Дьявольским патрулём.»

– Это, что, правда? Не желтизна? – я снова и снова перечитывал строки «У Ворот полегло несколько Стражей Ада!».

– По идее, в этом мире СМИ незачем врать, им никто не платит. Политической подоплёки и подавно нет... Но, я бы на твоём месте всё равно не верил на слово.

– Стражи Ада... – впервые я вынужден был признать, что в фантастическом для любого человека мире произошло что-то фантастическое для него самого. – Я, конечно, мёртв, и не могу быть шокирован, но это же Стражи Ада. Их никто и ничто не может убить, тем более, какая-то кучка демонов-оборванцев.

– Вот, видишь, живёшь, такой, от столетия до столетия, не понимаешь, что нового можешь увидеть на этой земле, а тут – хрясь! И случается такое...

– М-да, замочить то, что априори неуязвимо и в одиночку может разнести целую армию – это нонсенс. Ты же видел этих драконоголовых? Это же огненные башни с мечами, их броню не пробить даже атомной бомбой, а их меч, если потребуется, разрежет земную ось.

– Несокрушимые скалы со временем тоже рассыпаются. Я наблюдал.

На большой как несколько футбольных полей стоянке, где сновали машины Извозчиков в поисках свободного места, повисло тревожное молчание.

– Ладно, пора мне, Артур! – очнувшись от глубокого раздумья, Луций вскочил с капота. – Одну красотку надо отвез-

ти жариться на сковородке.

– У тебя оболочки закончились, что ли? Чего это ты вдруг решил поработать?

Луций засмеялся.

– Не поверишь, я успел соскучиться по этим диким лесам и степям, где каждый сантиметр хочет тебя сожрать. – сохранивший позитив и голливудскую улыбку древний Извозчик уверенно сел в свою «Чайку» и под сердитое рычание её мотора поехал к Зданию Суда.

Я же в ожидании, словно орёл на ветку, уселся на капот своего БМВ. В руках у меня всё ещё была газета со свежей сенсацией.

Если всё так, как там написано, то несколько кварталов Ада лежат в руинах, несокрушимые, как древнейшие Титаны, Стражи лежат поверженными, а эта загадочная полусотня разгуливает на свободе. Ясно, что на этом всё не закончится. Скоро последует что-то ещё...

Машина подо мной загудела и завибрировала, словно мобильник. Пришло новое досье.

– Распакуй характеристику. – приказал я бортовому компьютеру, сев в автомобиль.

На дисплее приборной панели появляется лицо молодого рыжего парня лет восемнадцати. Гладенькие румяные щёки и прилизанные волосы выдавали в нём мажора, и только в глазах было что-то взрослое. Это не была твёрдость ответственности, а какая-то глубокая разочарованность, душев-

ный провал, словно воронка от взрыва.

Характеристика написана довольно внушительная. Из неё я узнаю, что Кирилл – сыночек очень богатого папаши, всё своё детство и отрочество жил на широкую ногу на чужие деньги, проводил время в тусовках, пьянках и веселье, а потом в нём что-то переклинило, и он решил найти свою мечту, стать чем-то полезным обществу или просто найти себе какое-нибудь дело. Но ничего не вышло: на своё совершеннолетие в очередной раз обдолбался какой-то дрянью и был сбит джипом.

Увлекательно. Нечасто в характеристиках человека встречаешь описание каких-то нравственных особенностей. Обычно что-то вроде шаблона «родился – выучился – устроился на работу – женился – умер». Жизнь большинства людей – просто осколки времени, в них нет ничего интересного: пришли, словно для галочки прожили определённый срок, и ушли пахать на Рай или Ад. Спрашивается, зачем жили?

Так я рассуждал и о своей жизни: по-любому, и она не сильно-то отклонялась от шаблона, если я из неё почти ничего не помню. Человеческая душа склонна убирать лишние и ненужные воспоминания, которые не запали в неё. Видимо, моя жизнь совсем не запала в мою душу, раз после смерти сохранились только общие сведения о том, что меня окружало, и какие-то воспоминания из детства. Странно только, что мне знаком запах пороха, я хорошо стреляю, а этими мускулистыми руками могу сломать хребет даже ор-

ку. Походу, при жизни успел побывать военным. Непонятно тогда, как я воевал, если это у меня не отложилось в памяти. По идее, там, где люди разлетаются кусками от снарядов, а крошечный осколок свинца выносит из человека жизнь, воспоминания должны быть особо остры и болезненны.

Я тронулся с места и неспешно ехал в секцию 1734, где громадная груда мышц – Надзиратель должен был затолкать мне в машину очередного пассажира.

Мысли о своём прошлом всё ещё крутились в моей голове. Я более чем уверен, что мою психику не корректировали, иначе бы я потерял личность, как сотни других инакомыслящих Слуг.

С инакомыслием и бунтарями в Городе Суда боролись жёстко: их заталкивали в Госпиталья, и там планомерно чистили их души, да так качественно, что, выйдя оттуда, они становились совершенными овощами, которые могли только монотонно выполнять свою работу. За неё они всё также получали деньги, которые могли обменять на эмоции, только ощущения от них были уже другими: души с удалённой личностью под их действием просто вели себя, как умственно отсталые.

Мой же рассудок был в добром здравии, значит, моя жизнь на Земле действительно не имела никакой ценности, и память о ней просто стёрлась за ненужностью. По идее так...

Зато здесь я занял важную роль в системе мироздания.

Я перевожу души из одного мира в другой, героически сражаясь со всеми опасностями, возникающими на моём пути. Лучшей жизни просто не найти.

Не без труда найдя нужную секцию в полутёмной бескрайней пещере под Зданием Суда, лихо заезжаю в неё.

Из темноты Надзиратель в лучших традициях грубости и бесцеремонности тащит за руку вопящего и вырывающегося юношу. Вокруг схожая картина насилия над пассажирами. В потёмках угадываются силуэты великанов, которые тащат взрослых людей за руки как маленьких детишек, поблёскивают в факельных лучах бесчисленные ряды машин Извозчиков, ожидающих новых душ, а рисунки на стенах стоянки отплясывают какой-то прощальный танец вокруг мерцающих рун.

Вопящий юноша, в котором я узнаю своего клиента, всё ещё материт и нелепо угрожает мышечному гиганту, закованному в шипованную сталь и капюшон, из-под которого видны только огоньки зелёных глаз. Вместо лица мерцает железная маска в виде черепа.

Гигант чуть не отрывает дверь машины, легко усаживает его на сиденье, быстро закрывает дверь и уходит. Кирилл ещё выкрикивает ему в след угрозы через стекло.

– Дружок, здесь кому-либо угрожать бесполезно, твои деньги и связи уже не помогут. – с наигранной долей жалости говорю Сотнику, когда тот немного успокоился. После Страшного Суда, когда толпа божественных существ выры-

вает твоё сердце и кладёт на весы, людские души пребывают в немного удручённом состоянии.

Наконец Кирилл меня заметил, встретил меня нервным, преисполненным злобы и испуга взглядом, а затем успокоился и обречённо развалился на сиденье.

– Я знаю, Извозчик. – после минуты молчания совершенно твёрдым голосом ответил Сотник. – Меня ведь теперь ждёт Ад, да?

– Если смотреть на твоё досье, то ты вёл не самый лучший образ жизни, ничего не сделал полезного, да и погиб под наркотой. Чего ты ещё ожидал?

Кирилл схватился за лицо.

– Да брось ты, в Аду не так страшно, как тебе описывали при жизни, даже увлекательно. Приходишь туда чахленьким, зализанным дрищом, как ты сейчас, а выйдешь здоровенным, грозным демоном. Мужика из тебя там сделают.

Но легче ему не стало. Да кого вообще могут утешить холодные слова Извозчика, чьи эмоции никогда не будут искренними?

– Послушай, Слугой Смерти быть дьявольски скучно, а в Раю ты опять бы нежился в роскоши, как и при осточертевшей тебе жизни. У меня же в досье написано, как тебе приелось положение плейбоя. Оно тебе надо? А в Аду воинном себя почувствуешь, это то, что тебе нужно. – после этих слов Сотник опустил руки с лица, а его взгляд стал бодрее.

Я всегда стараюсь сначала успокоить пассажира по мере

возможности. Люди разные бывают. На моей практике уже были случаи, как такие вот доведённые до отчаяния пассажиры выпрыгивали из машины на ходу, пытались вырвать руль или бросались на меня с кулаками.

Сзади сигналит другая машина, прибывшая за пассажиром.

– Нам пора. Я тебе по дороге объясню устройство Мира, где тебе придётся провести вечность.

– Спасибо, водила до тебя рассказал. Что привёз меня на Суд.

– Вот и славно. – резким движением срываю машину с места, разворачиваю и устремляюсь к свету.

ГЛАВА 12

Нет ничего более омерзительного на бескрайних просторах Мира Мёртвых, чем гоблины. Представьте себе полностью опустившегося бомжа, согласившегося жить на дне поимой ямы, и с довольной рожой ныряющего в говно, как в свой личный бассейн?

В этом была вся суть гоблинов. Тупоголовые, немые, вонючие существа, чья цель в жизни была жрать, гадить и размножаться. Никакой гигиены, никакой культуры, никакого приличия. Их задатки разума лишь позволили им освоить строительство, сельское хозяйство и написать пару законов в духе «не убивать, не воровать», но регулярно нарушали их сами, из-за чего в их селениях постоянно устраивались массовые побоища. Нравственности нет вообще, семей тоже. Своих, ещё более тупых, чем самцы, самок они просто беспорядочно пьют и сбрасывают в одинаковые хижины, где они совместно воспитывают не пойми чьих детей.

Кое-как они освоили кузнечное ремесло, и выплавляют для своих сородичей кривые, горбатые, как их тела, доспехи. Физический труд у них не в почёте, а пиком успеха является обожраться падали и валяться в темноте в куче собственных экскрементов. Всю позорную физическую работу, в том числе добычу руды, выполняют рабы: всевозможные пойманные гномы, паны или сатиры. Однако в силу природной тупости

гоблинов даже эти пленники постоянно сбегают.

После утренней трапезы загнивающей тушей лося, уродцы похрапывали в тени своих хибар, не подозревая как грубо разорвётся их покой через несколько минут...

Сотник отличался своей молчаливостью и этим серьёзным, разочарованным в жизни взглядом в окно. Он не ныл, как такие же помершие от передоза мажоры до него, не пытался себя разбудить, думая, что всё вокруг него ненастоящее, и даже не вопил о несправедливости, пытаясь выбраться из машины и вернуться в Мир Живых. Он мужественно принял свою смерть. Или же просто не хотел возвращаться на Землю, как другие...

– Ты не стесняйся, если что не так – спрашивай. – озадаченный его спокойной теперь серьёзностью, предложил я.

– Ну, разве что интересно, почему ты свернул в этот лес. Трасса осталась позади. – он показал на стремительно исчезающее за ёлками широкое дорожное полотно.

– Я короткими дорогами еду, меньше асфальта, меньше удобств, зато быстрее на сутки, а то и на двое.

– Хах. И что же в вашем мире не догадались провести дорогу по короткому маршруту? Или деревья пожалели?

– Да нет. Мир Мёртвых тысячи лет существует. Изначально дороги оптимально шли к Аду и Раю, коротко и быстро, вдоль побережья. Но не так давно вода отступила, а новые участки суши стремительно заселили очень опасные, неви-

данные раньше существа. Трасса оказалась зажата между диким лесом и новыми жителями побережья, вот её и решили сдвинуть к новым границам побережья: поближе к воде, подальше от местной фауны. Крупные тропы по коротким маршрутам – остатки былых трасс. Защитные заклинания на них со временем зачихали, так что теперь тут ездить не всегда безопасно.

– Интересно. Хорошо, что ваш мир не просто ледяная пустыня с Адом и Раем, а целая планета.

– Наш мир. – поправил я.

– Теперь уже наш мир... – обречённо согласился Кирилл.

Впереди приближался город, окружённый невысоким, залитым запёкшейся кровью, частоколом. С вершин забора взирают невидящим взором прибитые головы эльфов и гномов. Тучи мух жужжат над всем этим.

Стёкла машины плотно закрыты. И хорошо – вонь стоит невероятная.

– Это Ад?! – испуганно восклицает пассажир.

– Ещё нет. Это всего лишь город гоблинов.

– Стой, куда ты едешь?! – вскрикивает он, когда я выжимаю педаль газа в пол, а гнилые ворота оказываются всё ближе. Серьёзность его в секунду сменилась испугом. Парень пусть и суровый был на мимику, но смелости ему явно не хватало. А что ещё ожидать? Всю жизнь провёл за спиной богатого папочки.

Ворота с треском разрываются на куски, едва я влетаю

В них.

Город пропитан мерзостью: горбатые зелёные гоблины живут в засранных глиняных постройках, а на улицах кучами валяются гниющие трупы.

Своим неожиданным визитом я навожу хаос в их селении. Зелёные вонючие твари в ужасе разбегаются от машины: кто-то пытается закидать камнями или копьями, но всё без толку. Я, как таран, прорезаю городок гоблинов, круша их палатки и сарай. Стайки свиней хрюкая, уносятся из разрушенных построек. Гоблины, вторя им, тоже хрюкают и прячутся по углам, словно тараканы.

В несколько секунд проезжаю селение гоблинов, прошибаю следующие деревянные ворота и стремительно выезжаю из этого дерьма.

Пассажир в шоке смотрит, как городишко гоблинов остаётся позади.

– Мощно водишь! Гонщиком, что ли, при жизни был?

– Возможно. Но, когда у тебя под капотом мощность реактивного самолёта, и не такому научишься.

Капот уже перепачкался в пыли и, похоже, в помёте. Угрозило же гоблинов построить своё селение прямо посреди давно разбитой дороги к Аду. Всякий раз их таранить приходится.

Держу скорость в пределах двухсот, негромкий гул звучит под колёсами, из леса высовываются многочисленные огромные морды, а за машиной поднимается шлейф из пыли и ли-

стве.

Огонёк промелькнул в глазах Кирилла после нескольких минут гонки по заросшей тропе. Кажется, пугающее происходящее начало его заинтересовывать.

Мы мчимся вдоль серого леса, закутанного тонкой дымкой тумана. Место не опасное, но внешне пугающе. Мой изнеженный пассажир явно не славится воинской храбростью. Не бросит ли его в панику при виде здешнего зверья? Деревья с трудом обретают очертания сквозь пелену тумана, резкие, словно удары ножом, порывы ветра бросают на дорогу ворох сморщенной листвы.

Я замедляюсь. Сквозь туман до нас доносятся леденящие душу звуки: повсюду слышен вой и хрип, словно сама седая бездна порождает его. Какие-то неясные силуэты медленно выползают из-за туманного занавеса и бесследно исчезают в нём.

Еду не быстро, стараясь не угодить в вырастающие из тумана деревья.

Справа от нас предстают руины. Сожжённый и разгромленный городок мертвецов, где когда-то пережидали ночи Извозчики. Строиться так близко к гнезду гоблинов было роковой ошибкой свободных мертвецов. Зелёные монстры перерезали их всех, а селение разграбили и подожгли.

Вдруг я слышу хлопок, и машину начинает вести влево-вправо. Что за чертовщина? Останавливаюсь. Бросаю Кириллу «сиди здесь», захлопываю дверь и смотрю, в чём де-

ло. Правое заднее колесо спущено. Это ещё почему? Чтобы спустить колесо моей тачки, требуется как минимум попасть по нему из ангельского или демонического оружия. Насколько я помню, гоблины по мне из таких не палили, да, и пробило его только что!

Не беда. Студент заперт в машине и никуда не уйдёт, к тому же, он явно не склонен к побегу, а запасное колесо у меня есть. Поменяю и спокойно поеду дальше.

Открываю багажник и уже готовлюсь выложить на землю весь арсенал, чтобы добраться до запаски, как позади раздаётся сдавленный хрип. Инстинктивно уклоняюсь в бок, и в ту же секунду деревянная дубинка с приклеенными к ней осколками ангельского меча ударяет по машине. Шагом назад рву дистанцию и принимаю боевую стойку.

Засада!

Еле волоча ноги и держа в исхудалых руках дубинку, ко мне ковыляет зомби с разбитой надвое головой. Из раны ручьями сочится кровь, мозги розовой кучей вылезают из мятого черепа, оба глаза заплыли желтой склизкой пеленой.

Хватаюсь за пояс в поисках пистолета, но предательски пустой ремень говорит о том, что я оставил оружие в машине. Только кулаки меня выручат. Бью два удара в челюсть, ощущая, как под костяшками пальцев хрустит мерзкая вязкая поверхность его кожи. Запрокинув назад раскуроченную окровавленную голову, зомби рушится, роняя дубину.

Но просто так из ловушки не выйти.

Словно из земли вырастает второй урод с внешностью человека, попавшего под комбайн: из разрезанного живота вываливаются розовые канаты кишок, левая половина черепа срезана аккуратно вдоль, а вторая растягивается в гнилостном подобии улыбки. Точный боковой удар в целую часть — и ошметок его головы разворачивается по кругу.

Третьего я даже не разглядел, какой-то маленький худющий сгусток кровоподтёков и ссадин. Сильный удар ноги уносит его прочь, а следом за ним подходят всё новые и новые: они ползут из разрушенных домов, из тумана мрачного леса, хромя на сломанных ногах или выползая на одних руках лишь верхней частью тела. Вместо нижней следом плавно ползёт вереница внутренностей.

Карнавал уродов, карнавал расчленённых и изуродованных лиц, в голодных глазах которых не было ничего. Пустота, засасывающая пустота омута, заполняющая лёгкие водой и разламывающая кости своей силой.

И, как же я не сообразил, что здесь засада? Это же очевидно! Гоблины уничтожили город и покалечили жителей, тем самым лишив их возможности предоставлять Извозчикам жильё и досуг в обмен на эмоции. Теперь их единственная возможность получить желанные таблетки — просто отнять их. Зомби и есть свободные мертвецы, которые обитали здесь, а битва искалечила их до неузнаваемости.

Первая партия зомби ползёт с черепашьей скоростью, то и дело спотыкаясь на разломанных до бесформенной суб-

станции ногах. Собираюсь ринуться к машине за оружием, но вторая партия уже прилипла к ней жадными окровавленными руками и начинает раскачивать.

Я в западне!

Очередная гнилая рука занесена надо мной. Прямым ударом ноги сшибаю нападавшего: он отлетает и, падая, едва не разлетается на куски. В следующую секунду перехватываю руку ещё одного, с ножом. Нехитрым приемом выбиваю оружие и швыряю противника в очередного зомби. Бью ногой с разворота! К сломанной ноге у врага прибавляется ещё и скрученная шея. Ныряю под бьющую руку очередного уродца и с размаху наношу удар кулаком в челюсть. С треском костей падает на только что нокаутированного товарища.

Едва уклоняюсь от какой-то ржавой шпаги, левой рукой увожу её в сторону, а правой ребром ладони бью в горло. Зомби с выпученными глазами брызгает в меня кровью из своей гнилой пасти. Костюм забрызгал. Толкаю его в другого, а сам серией ударов по корпусу и в голову сшибаю с ног подошедшего крепыша с кровоточащим разрезом от плеча до середины груди. Бросаю взгляд на машину: её уже всю раскачивают группы ходячих трупов. Колёса попеременно справа и слева всё выше отрываются от земли.

Вдруг на плечо обрушивается камень. Теряю равновесие, и тут же получаю пудовым кулаком в челюсть. Не успевая оправиться, ввязываюсь в борьбу с зомби-боксером, хватаю его в районе пояса и втыкаю прогибом в землю. Гнилая го-

лова трескается, мозги заливают землю, липкие брызги остаются у меня на лбу. Только поднимаюсь, как ещё пара ударов, словно камушки, прилетают в лицо. Снова на мгновение теряю обзор, но успеваю разорвать дистанцию. Чувствую привкус собственной крови. Несвежей, густой и противной. Крови мертвеца. Своей.

Легко кидаю два удара в лицо одноглазого лысого мертвеца с оторванной до локтя рукой, а затем мощным пинком в бедро сшибаю его с ног. Только мало толку от моих технических ударов: зомби словно плодятся один за другим, и с каждым мгновением вокруг меня их всё больше. Следующую секунду я только сшибаю летящие в меня гнилые руки и уклоняюсь от дубинок. Покалеченные мертвецы бьют с трудом, но их слишком много. Слишком много воняющих кровотокающих конечностей тянутся убить меня.

После того, как очередной кулак звучно прилетает мне по лицу и отталкивает на шаг назад, я стучусь каблуком ботинка обо что-то твердое. Самодельная бита, к ней кусками приклеены осколки ангельского клинка. Спасение! Ногой подбрасываю её вверх, ловлю и с размаху сношу зомбаку голову, словно бейсбольный мяч. Бросаюсь на остальных.

Зубы, кровь, крышки черепов летят во все стороны, я пропускаю мощные удары, но продолжаю биться. Последний, кого я ушатал прежде, чем враги отступили, был довольно подвижный зомби с демоническим мечом. Он успевает слегка резануть по животу, прежде чем я оттолкнул его и разво-

ротом в прыжке обрушил на лысую голову страшный удар. Она трескается пополам, враг падает, а ходячие трупы потихоньку пятятся назад. Кажется, этот тип был их последней надеждой.

Первая партия отступает, остаётся вторая. Те самые отморозки, что почти перевернули мою машину. Кидаю биту, беру демонический меч, иду к ним тоже походкой зомби. Избитый и окровавленный я уже мало чем отличаюсь от своих оппонентов.

– А-а-а-а-а-ы-ы-ы-ы-ы! – успевают вскричать зомби, прежде чем превратиться в фарш. Куски их тел кровавой кучей укладываются рядом с машиной.

Искалеченные враги уползают. Обессилевший от ран, я начинаю опускать оружие, и тут на меня с шипением выскакивает последний, недобитый труп с ножом в руке. Я уже не успеваю среагировать, мгновение – и нож воткнётся мне в грудь!

Но этого не произошло. Выстрел в шею сбоку остановил его и сбил с ног. Мертвец рухнул наземь: глаза широко распахнуты, изо рта медленно вытекает чёрная вязкая масса, руки с ножом беспомощно дёргаются и замирают.

И тут я впервые поблагодарил себя за то, что забыл закрыть машину с пассажиром. Кирилл стоял рядом с открытой дверью и двумя руками сжимал дымящийся пистолет. В его глазах был ужас вперемешку со звериным азартом. Ему было страшно, но он осознал, что грохнул зомби, и успел по-

чувствовать некое ощущение превосходства.

Ранения в Мире Мёртвых почти так же ощутимы, как в Мире Живых: болезненны и отнимают силы. Зажимаю их ладонью, чувствую на ощупь вязкую липкую жидкость, как вытекла изо рта мертвеца. Мёртвое подобие крови. Не без опаски ковыляю до Кирилла, все ещё направляющего пистолет куда-то в пустоту, подхожу вплотную и своей окровавленной ладонью осторожно опускаю его руки.

– Красавчик! – выдавливаю я. – Ты первый на моей памяти пассажир, кто меня спас.

Его напряжённое напуганное лицо искривляется в подобие безумной улыбки.

– Извозчик! – резко вскрикивает он, отдав мне пистолет. – Господи, Извозчик! Как же это круто, мать твою! Вот, чего мне не хватало всю жизнь, вот, чего я искал. Настоящих приключений! Риска! Битвы! – он почти прослезился от радости, и с улыбкой сумасшедшего счастья стал трепать меня за рукав пиджака. – Я словно прозрел! Всю жизнь я просто не вылезал из своего болота, где мне было комфортно: мне всегда подавали еду в постель, за меня всегда готовы были заплатить и заступиться! Мне не хватало выйти из своей зоны комфорта, посмотреть, какова она, жизнь там, где не действует кредитка, а значение имеет лишь твоя смелость и решимость! Артур, вот она, жизнь! Здесь и сейчас! – всё ещё вопил он в окружении ползущих и стонущих искалеченных мертвецов.

– Я очень рад, что помог тебе, браток. – вяло хлопаю его по плечу. – А теперь позволь мне поменять это чёртово колесо.

– Да, да! Конечно! – он, глядя на меня, как на кумира, пулей запрыгивает в машину, а я в этот раз наверняка закрываю её на замок.

В таком припадке ни то шока, ни то счастья найденной мечты, персонаж действительно способен на что угодно.

«С зомби справился» – думаю я, подхожу к багажнику, трясущимися руками достаю колесо и не без волевого усилия меняю его. Мёртвый, но всё же организм, с трудом слушается.

Снимаю старое колесо. Из пробитой шины торчит какой-то шип. Тоже похож на осколок ангельского меча. Ловушка для машин с осколками магических орудий. Гениальная затея! Ставлю новое, наскоро вытираю с живота кровь и сажусь в авто. Голова гудит, как с похмелья.

С трудом достаю свою коробочку и высыпаю зеленую таблетку. По свойствам они схожи с таблетками для радости, но ценятся втрое дороже. Помимо легкой эйфории дают бешеную уверенность в себе и заряд бодрости, исцеляют раны.

Беру одну, кладу себе в рот и, рванув голову наверх, проглатываю. Согревающее тепло расходится по телу, и я чувствую, как раны в считанные секунды заживают, а на душе появляется удовлетворение.

С минуту я развалился в сиденье, закрыв глаза от экстаза.

– Ты кайф ловишь, что ли? – словно сквозь сон слышу вопрос Кирилла. – Со мной не заделишься? Я, как бы, тоже в шоке от всего!

– Ты ещё недавно умер, у твоей души свой запас эмоций ещё цел. – заученно объясняю ему. – Поэтому радуешься и пугаешься естественно, как живой человек, мне же нужны таблетки. Без них я стану похож на депрессивный облезлый труп, как эти зомби.

– Это не наркотики?

– Нет, но очень похоже. Именно из-за них я вожу души, а не плюну на всё и не построю себе домишко где-нибудь на побережье, где поселю у себя одинокую нимфу и целыми днями буду проводить за рыбалкой, любясь, как солнце играет на дрожащих волнах. – я всё ещё лежал с закрытыми глазами, рисуя себе эту картинку. Мой разум был где-то далеко, всё вокруг теряло значение, и я, как от таблетки покоя, словно проваливался в сон наяву.

«Удивительно, почему, когда мы отправляемся за душой в Мир Живых – там мы бестелесные духи, а здесь вся живность может нас атаковать и убить? Быть может, Мир Мёртвых все-таки находится в другом измерении, где материя представлена иначе, чем на Земле?» – размышлял я, чувствуя, как ощущение блаженства проходит, сменяясь ощущением бодрости. Будто разом влил в себя чашки три кофе.

– Ух-х-х! – я открыл глаза, встрепенулся и вцепился в руль. – Поехали.

Путь через туман продолжился. Как оказалось, зомби в этом мрачном лесу были далеко не организованной группой. Скорее, несколько трупов решили объединиться, чтобы грабить извозчиков, остальные же бессмысленно бродили по выжженным руинам. Рядом со сгоревшим домом нас провожает пустым взглядом парень с оторванной нижней челюстью: густая кровь, словно карамель, плавно падает вниз.

Прямо впереди, издавая утробные, похожие на тошноту звуки, под колёса машины бросается лысый мужик с мертво-жёлтым лицом и торчащими из живота кишками. Машина подпрыгивает на его теле, словно налетает на лежащего полицейского, и я слышу, как трескаются его кости под колёсами. Самоубийца хренов. Все равно ты не умрешь, а только тачку мне запачкаешь.

Едва замечаю какое-то странное кровавое существо внизу, как снова слышу треск под колёсами – половинка человека тоже решила доползти до машины. До чего только не доводит отсутствие эмоций! Душа мучается настолько, что постоянно пытается тщетно покончить с собой, но мучения от этого лишь усиливаются.

Эйфория от битвы и подстреленного собственными руками мертвеца потихоньку начинало отпускать Кирилла. Он вновь стал спокоен и задумчив.

– А, всё, что нас здесь окружает – это же Мир Мёртвых?

– Формально – да, мы же с тобой неживые, но населяем эту планетку.

– А другие существа? Гоблины, там, и прочие?

– Нет, если ты про мифических существ, то они живые.

В своём, этом мире, они живые, а мы для них какая-то материальная нечисть извне. Пришли сюда, понимаешь, тысячи лет назад, и заняли несколько участков суши. Да, ещё и носимся тут на своих чёрных телегах, молодняк пугаем. Вот, с динозаврами и мамонтами сложнее объяснить. Как бы тебе сказать... – я замялся. – Их души просто некуда было запихнуть, поэтому тут им дали шанс жить наравне со всеми существами, дали материальные воплощения, а их души после смерти просто переселяются потомкам по принципу реинкарнации. Если тебе знакомы эти словечки, конечно.

– А с животными как? С Земли которые?

– Ад или Рай заполняют. Служат красивым фоном. Что за Рай без жирафов и соловьёв, и какой Ад без суровых волков и тигров-людоедов?

– Ясно. – состроив кислую мину парнишка снова прижался к окну.

– Тебя что-то гложет?

Он уже почти готов был стукнуть кулаком по двери, но передумал.

– Ещё как. – обречённо выдавил он. – Тебе же постоянно приходится здесь сражаться со всякой сказочной чуждой, постоянно перемещаться по этому волшебному миру, приключения! Ими наполнена твоя жизнь! А я только сейчас понял, что мне не хватало всю жизнь приключений.

Со мной не случилось ничего опасней алкогольной интоксикации и передозировки, а самым экстремальным занятием был секс без презерватива или уход от погони собственных телохранителей. У меня практически не было риска, я даже ни разу в жизни не дрался! – его глаза заблестели. Был бы живой, потекли бы слёзы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.